

АННА
ДАНИЛОВА

ВО ВСЕМ ВИНОВАТЫ
КУВШИНКИ

Психологический детектив

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Во всем виноваты кувшинки

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А. В.

Во всем виноваты кувшинки / А. В. Данилова — «Эксмо»,
2023 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-180066-6

Женя не могла поверить собственным глазам: прямо перед ней в самолете молодая москвичка Лиза превратилась в старушку-француженку Элизу. Кто и для чего ее обманывает? Что все это значит? Но ей не до безумных фантазий, хватает и собственных проблем: пропал любимый муж, известный адвокат Борис Бронников, кто-то обманом завладел их загородным домом, еще и брат мужа, Петр, скрывает какую-то зловещую тайну...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180066-6

© Данилова А. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

1. Лиза – Вере	6
2. 30 июля 2022 г	8
3. 25 июля 2022 г	12
4. 31 июля 2022 г	16
5. Вера – Лизе	21
6. 26 июля 2022 г	23
7. 31 июля 2022 г	29
8. Лиза – Вере	34
9. 27 июля 2022 г	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Васильевна Данилова

Во всем виноваты кувшинки

© Текст, А. Дубчак, 2023

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2023

1. Лиза – Вере

Моя дорогая подруга Верочка, как же я соскучилась по тебе! И хотя мы живем с тобой в одном городе, в этой громадной и прекрасной Москве, но встретиться и поговорить как-то не удается. Я понимаю, ты человек занятой, ты много работаешь, и я в этом даже как-то завидую тебе, потому что у меня в жизни все как-то складывается нелепо и неправильно. Но поверь, я в самом скором времени возьму себя в руки, и у меня тоже все наладится. Я восстановлюсь в университете, устроюсь на работу и приведу в порядок наконец свою квартиру. Да-да, ты – единственный близкий мне человек, который знает обо мне буквально все и которому я могу рассказать о своей жизни даже самое неприглядное. Да, я никак не могу заставить себя взяться за уборку, мне лень, у меня нет настроения, у меня кошки на душе скребут... Но то не потому, что я на самом деле такая ленивая и бестолковая. Возможно, то, что я напишу тебе сейчас, удивит тебя сильно, заставит по-другому взглянуть на меня, может, ты разочаруешься во мне... Да, я многое писала тебе о своей жизни, признавалась в каких-то мерзких поступках, встречах, рассказывала тебе о мужчинах, которые поступали со мной ужасно. Но то, о чем я расскажу тебе сейчас и в чем не решалась признаться раньше, повторяю, быть может, заставит тебя примчаться ко мне на всех парах. Может, ты отодвинешь в сторону все свои неотложные дела и захочешь встретиться со мной, расспросить меня обо всем.

Сразу скажу – это длится уже два года. И вынырнуть из этого состояния я просто не в силах, да и не знаю, как это вообще сделать. Все дело в моих постоянных поездках в Париж. Это как наваждение, как наркотик (хотя, к счастью, я не знаю, что это такое). Все те деньги, что я тебе задолжала, я трачу на билеты, продление визы и все такое. Летаю я туда для того, чтобы встретиться там с одной женщиной, которая приходится мне ближайшей родственницей и которая так богата, что тебе даже и не снилось. Она в два счета могла бы помочь мне расплатиться со всеми моими долгами, кредитами, я смогла бы вернуть и тебе деньги. Но то, что происходит со мной в Париже, едва только я схожу с трапа, как...

Вера, этот процесс начинается еще в салоне самолета. В какой-то момент, приблизительно через два часа, а это как раз половина времени в пути из Москвы до Парижа, я чувствую, как на меня накатывает волна дурноты, тошноты... И кожа начинает чесаться... И я задыхаюсь. Мне кажется, что моя одежда давит на мое тело, но самое страшное – когда я провожу рукой по голове, то могу вырвать без труда прядь совершенно седых волос! А еще... Еще я напрочь лишаюсь сил. Как физических, так и психических.

Вера, я понимаю, что все эти метаморфозы связаны с моей пошатнувшейся или травмированной психикой, что я не здорова. Что до сих пор не могу прийти в себя после ухода моей мамочки и мне до сих пор кажется (поскольку я не приезжала в Мурманск к ней на похороны и не видела ее мертвую), что она жива и до сих пор живет в этом ужасном и холодном городе со своим мужем-моряком...

Но, вернувшись обратно в Москву, с совершенно пустой головой и чувствуя себя физически окрепшей и бодрой, я каждый раз понимаю, что

побывала не у родственницы в Париже, в ее шикарной квартире во втором округе, так называемом «Бирже», а где-то в другом измерении... Я ничего не помню, в моем кошельке не больше пятидесяти евро, билет на самолет до Москвы, а в чемодане, в лучшем случае, пара новых джинсов, кофточка или свитер, коробочка духов и непременно конфеты из шоколадного бутика Patrick Roger. Ах да, и еще – антивозрастной крем для лица шестьдесят плюс со спирулиной или каким-то ягодным мармеладом, стоимостью, как чугунный мост...

Может, ты подумаешь, что я постоянно пью, потому не адекватна? Да, я подседа на просекко, но разве можно этим игристым так затуманить себе мозги? До такой степени?!!

Верочка, я снова прошу тебя подождать с долгом, все мои деньги потрачены на поездку и часть коммунальных платежей, еще картошки купила, да пару бутылок вина, но это все! Как видишь, я не жирую, живу очень скромно, и вся моя жизнь омрачена мыслями о долгах, кредитах, и какая-то кругом беспросветность...

*Обнимаю тебя, моя дорогая подружка.
Твоя Лиза.*

2. 30 июля 2022 г

– Петр, расскажите мне еще раз, как пропал мой муж. Соберитесь, успокойтесь и начинайте говорить.

Вернувшись домой из маленького волжского городка Калины, где пришлось помочь родственнице близкой подруги Антонины, Женя нашла дом братьев Бронниковых в ужасном, запущенном состоянии. Но главное – ее супруг, за которым она была замужем буквально несколько месяцев, известный московский адвокат Борис Бронников, пропал. После пары телефонных разговоров с женой в начале поездки он перестал выходить на связь. Его родной брат Петр, проживающий в этом же доме и, в отличие от харизматичного Бориса, случайно разбогатев, так и не нашел себя, после его исчезновения окончательно раскис и потерялся. На все вопросы Жени, почему Борис не берет трубку и что случилось, он нес какую-то чушь о потерянном телефоне, что только усугубляло тревогу и вызывало недоверие уже к обоим братьям.

До замужества Женя трудилась в доме домработницей, доставшейся братьям Бронниковым «в наследство» от бывших хозяев, ее родственников. И если бы ей тогда сказали, что она вообще обратит когда-нибудь внимание на этого грубого и несносного Бориса с его вечными придирками и наездами, она вlepила бы тому пощечину! Но влюбилась, вышла замуж, и вот теперь, когда он пропал, она почувствовала себя настолько уязвимой и неуверенной, что ей стало страшно.

Конечно, первой мыслью, почему муж прекратил с ней общаться, была его измена. Тема была болезненная, невыносимая, и Женя, не страдающая отсутствием воображения, рисовала себе самые ужасные сцены, главным участником которых был Борис. Красивый, могучий Борис, его великолепное тело, красивая голова с густыми волосами...

Но как-то уж совсем легко она отгоняла от себя эту причину, и в какие-то моменты даже измена начинала казаться Жене не такой уж опасной и страшной, по сравнению с более трагичными вариантами его молчания: смерть, похищение, болезнь, потеря памяти...

Да даже если предположить, что он на самом деле увлекся другой женщиной, что могло помешать ему отвечать на звонки супруги? Лгать ей до той поры, пока она не вернется и он не объявит ей о своем уходе. Борис, при всей своей жесткости и даже грубости в силу своего тяжелого характера, по отношению к Жене, особенно в последнее время, испытывал глубочайшее почтение, любовь и нежность.

Странно вел себя и Петр, выдумывая самые нелепые отговорки, пытаясь объяснить ей отсутствие Бориса. И если задуматься, то Борис, горячо любивший своего брата, по сути, самого близкого человека, не стал бы так откровенно подставлять его, заставляя придумывать все эти нелепицы и глупости. Он сам без труда нашел бы способ хотя бы временно поддерживать с молодой женой нормальные, ровные отношения, чтобы до поры до времени не вызвать в ней подозрения.

Пребывание Жени в Калине, где им с Тоней пришлось приложить немало усилий, чтобы найти того, кто покушался на жениха ее племянницы, было трудным и каким-то безрадостным. Конечно, если бы не резкое прерывание связи с Борисом, все вокруг показалось бы Жене совершенно другим. И занимаясь делами, она радовалась бы себе разговорами с мужем, грелась бы его любовью. Но все вышло, как вышло. И она уже голову себе сломала, куда бы он мог подеваться. Единственное, что (особенно в последние дни) придавало ей немного сил и отвлекало от самой страшной темы, было отсутствие информации от Петра. Уж если бы Боря погиб, то Петр первым делом сообщил бы об этом Жене. А так – он жив, и это главное.

Возвращаясь домой, она постоянно представляла себе свою встречу с Петром. В ее воображаемых картинах уже не было Бориса. Ведь если бы он был дома, живой и здоровый, что помешало бы ему позвонить ей? Значит, его нет. Возможно, он уехал куда-то очень далеко, к

примеру, в Африку, куда его вызвал какой-нибудь клиент, и сидит где-то сейчас в джунглях, где нет связи. Или, наоборот, отправился к Северному полюсу. Он такой, Борис. И клиентура у него – все сплошь интересные люди. И случаи в их жизни, когда их требуется вытащить из какой-нибудь передраги, тоже подчас необычные, прямо-таки фантастичные! Вот так она и успокаивала себя, пока добиралась на машине до Подольска, на окраине которого стоял их большой дом.

Но чем ближе она приближалась, тем тревожнее становилось на душе. И когда, уже выйдя из машины и нагрузив себя в задумчивости коробками с куклами (которые прикупила у калинских мастериц-кукольниц), только вошла в дом, сразу поняла, что случилось несчастье.

Грязь, пыль, горы грязной посуды, но главное – обросший, запущенный, как старый сад, Петр, превратившийся за время ее отсутствия в глубокого старика. Он домосед, правда и до этого редко когда бывал подтянутым и собранным, обожал ходить по дому в домашних халатах и ленился как мог, не давая себе труда лишний раз хотя бы прогуляться по саду или надеть на себя что-нибудь, отличное от халата, но всегда был чист и выбрит, от него хорошо пахло, да и вряд ли он позволил себе находиться в такой грязи. Уж нашел бы способ при его деньгах и возможностях найти человека, который приглядел бы за домом в случае уважительной причины отсутствия домработницы Галины. Но что ему помешало это сделать? Что? Только его состояние. Он не хотел, не мог ничего предпринимать. Так ведут себя выпавшие из реальности люди. Либо психически нездоровые, потерявшие всякие ориентиры в жизни, либо алкоголики или наркоманы, либо люди, из которых душу вынули. Так вот, учитывая, что Петр не был ни алкоголиком или наркоманом, ни психически нездоровым человеком, из него точно душу вынули. Значит, либо он знает что-то такое о брате, о чем не может признаться Жене, либо, наоборот, не знает ничего, а потому растерялся, потерялся и стал ребенком, которому позарез нужна была мама, бабушка, словом, кто-то из взрослых, кто помог бы ему подняться и жить дальше.

– Женечка, ты уехала, и Боря сразу как-то загрустил, сник прямо... Уж не знаю, с чего он решил, что ты не любишь его, что он тебе надоел и все такое. Он просто маялся, не мог найти, чем бы заняться, слонялся по дому, но больше всего ему нравилось вспоминать что-то из нашей прошлой жизни, того периода, когда мы только познакомились, и ты начала работать у нас. Говорил, что очень сожалеет, что вел себя по отношению к тебе так грубо, приставал к тебе, придирался, подчас даже оскорблял и постоянно грозил тебя уволить. Хотя на самом деле, он признавался мне уже не один раз, твое появление в этом доме было самой жизнью, и он был счастлив, что ты здесь, рядом, что от тебя исходит свет... Думаю, он влюбился в тебя, впрочем, как и я, признаюсь, с первых минут твоего пребывания здесь. Ты так сильно отличалась от всех тех московских холеных девиц, которые выдавали себя за его клиенток с единственной целью подцепить его. Ты была живая, дерзкая, шумная, яркая! Твои рыжие волосы, зеленые пестрые платья, какие-то шарфы, эти букеты, которыми ты украсила весь дом...

– Петр, когда он пропал?

– Ему позвонили, и он сразу же собрался, тщательно побрился, надел все белое и поехал в Москву на встречу. И все, больше я его не видел. Звонил ему, писал эсэмэски – бесполезно! И если сначала из трубки доносились длинные гудки, то потом все стихло, вообще никаких звуков.

– Но есть же Ребров! Вы ему звонили, надеюсь?

– Да, конечно, как же иначе?!

– И?!! – Женя даже дышать перестала, надеясь, что вот сейчас она услышит хотя бы что-то важное, конкретное.

– Он в Питере, его, кстати говоря, отправил туда Борис по каким-то своим адвокатским делам. И вот когда я говорил с ним в первый раз, как раз в тот день, когда Боря вечером не вернулся домой, а я думал, что он заночует в Москве, Валера сказал, что Борис тоже должен

приехать в Питер, что у них там какая-то важная встреча... Короче, я поначалу успокоился, но потом, когда прошла еще пара дней, а ни Ребров, ни Боря не отвечали на мои звонки, запаниковал. Потом все-таки дозвонился до Реброва, тот сказал, что у него много работы, что он не может говорить, что сам перезвонит, но не перезвонил. И тогда я понял, что он что-то скрывает от меня. Что с Борей случилась беда.

– А дальше-то что? Что Ребров? Он и на мои звонки тоже не отвечает!

– Я не знаю. Я уже ничего не знаю. Конечно, мой братец – темная лошадка. Но это связано с его клиентами. Большие деньги платят не только за его основную работу, но и за молчание. Может, Боря сейчас находится в доме своего клиента, и ему запрещено общаться с кем бы то ни было. Разные случаи бывали в его практике. Но я весь извелся, я места себе не нахожу! Могу представить, как ты, Женечка, переживаешь. Только вышла замуж, а тут такое – муж не отвечает... Но ты не думай ничего плохого. Я-то знаю вас, женщин, вы всегда предполагаете только одно – измену. Но это не про Борю. Он любит тебя всем сердцем.

– Петр, вам не приходило в голову обратиться в полицию?! – В сердцах, раздраженно спросила Женя, с трудом сдерживаясь, чтобы не схватить деверя за плечо и больно ущипнуть, чтобы привести в чувство. Ну разве можно быть таким инфантильным?!

– Дело в том, что между нами существует договоренность, – тоном школьника-отличника, выпрямившись и как-то подобрравшись, словно для того, чтобы подчеркнуть серьезность момента, произнес Петр: – Меня предупредили, чтобы в случае, похожем на этот, я не обращался в полицию в течение месяца.

– Вы серьезно? – нервно гоготнула Женя. – Целый месяц бездействовать, и это при том, что человек может находиться бог знает где! Его могли похитить. Его могли ударить по голове, и он может находиться без памяти в какой-нибудь больнице... Да мало ли что могло с ним случиться?! Не знаю, как вы, но я немедленно еду в Москву и занимаюсь поисками мужа!

– Да он же меня убьет! – истерично вскричал, вскакивая со своего места, Петр. В эту минуту он был похож на сумасшедшего старика, и Женю взяла оторопь. Какая странная реакция?

– Вы ведь что-то знаете, да? Да?! Говорите немедленно!!!

– Да. Знаю. Он звонил мне вчера. С незнакомого номера. Сказал, чтобы я успокоил тебя. Что он работает. Что не может выйти на связь. Что его клиенту угрожают, что они скрываются... Вот. Уф... Вот, я все и сказал.

– Значит, жив? – просипела Женя и разрыдалась. – Какой же вы, Петр... Ненавижу вас! Вот просто ненавижу!!!

И с этими словами она, словно с нее сняли груз, и ей стало легче дышать, бросилась к Петру и обняла его.

Вот они, силы! Словно кровь прилила к ногам, рукам, голове, да так, что Женя словно услышала ее шум. Такой странный звук, как если бы в голове пошел дождь!!! Такое это было волшебное чувство, похожее на счастье обретения. Или воскрешения. Хорошо, что людям не дано подглядывать в чужие мысли, подсматривать воображаемые картины других людей. Вот бы Петр ужаснулся, заглянув в голову Жени и увидев на необъятных просторах ее воображения свежевырытую могилу на кладбище с до боли знакомым портретом...

Да, именно туда и привели ее страхи. Она так четко все увидела, что от страха у нее чуть сердце не остановилось. Уж лучше гарем, чем кладбище, решила она моментально, отгоняя от себя жуткие кладбищенские пейзажи.

– Значит, так, – она оглянулась и, поджав губы, произнесла: – Вызываем Галину Петровну.

– Она уехала, ее нет, – развел руками Петр. – Иначе разве довел бы я дом до такого свинского состояния?

– Тогда делаем так. Вы сейчас же идете к себе и приводите себя в порядок. Бреетесь, моетесь, надеваете чистую нормальную одежду, но только не халат! – Произнося последнее слово, она нервно взвизгнула.

– Ну ладно... – От ее приказного, не терпящего возвращения тона брови Петра взметнулись вверх. – А чего кричать-то?

– Извините. Но просто ваш халат... Как бы это помягче выразиться... Вы же мужчина, негоже ходить по дому в халате до пят. Есть же у вас какие-нибудь приличные спортивные брюки, футболка. Или, еще лучше – шорты!

– Да все у меня есть... – пробурчал Петр, лицо которого между тем выражало странную смесь лукавства и радости. – А что это у вас за коробки?

– Куклы. Но все потом. У меня припасена для вас отличная, прямо-таки захватывающая история. Но для начала надо привести в порядок дом.

– Будете вызывать клининговую компанию?

– Нет. У меня есть получше вариант.

И она позвонила Антонине. Сказала, что есть возможность хорошо заработать всего лишь за несколько часов. Понятное дело, что она и без того могла бы дать подруге денег, сколько нужно, но вряд ли Тоня взяла бы их просто так. Хотя, с другой стороны...

– Женья, Женечка, да какой разговор? Конечно, приеду и помогу! И чтобы я ни слова не слышала о деньгах! Ты столько заплатила за эту взятку чиновнику, чтобы Лебедева не посадили, да еще и на свадьбу моей племяннице дала!!! У меня как раз сейчас белье постиралось, сейчас повешу – и сразу к тебе!

Антонина жила в самом Подольске. Легкая на подъем, мобильная и отзывчивая, к тому же невероятно ответственная – практически гениальная подруга!

– Спасибо тебе, Тонечка.

Она оглянулась – Петра уже не было. Не иначе как отправился сбривать свою кошмарную бороду.

3. 25 июля 2022 г

Кто такая эта Ольга?

Мила, девушка двадцати двух лет, весь последний год жила только любовью к своему парню Игорю. Если бы ей кто сказал, что можно вот так любить, так потерять голову, так пресмыкаться перед мужиком и быть готовой ради него на все, она бы расхохоталась этому человеку в лицо. Любовь. Какое это, однако, опасное чувство. Вот видишь Игоря, и сердце начинает колотиться бешено, того гляди разобьется внутри от собственных ударов. И колени подкашиваются. А уж когда она ждет вечером звонка в дверь, то, услышав его, чуть не подскакивает с дивана и на трясущихся ногах несется открывать. И не дай бог, это не Игорь, а соседка пришла за солью или еще кто. Обложит матом – мама не горюй! Она совсем потерялась, растворилась в нем, и самым главным для нее стало видеть его. Вот просто необходимо было, чтобы он был рядом. Пусть даже не обнимает, а просто сидит на диване перед телевизором и ест или пьет пиво. Главное, что он у нее дома, на ее диване, а это значит, что хотя бы в данный момент он принадлежит только ей.

Они расстались очень странно. Он просто исчез, перестал отвечать на ее звонки, ну и сам, понятное дело, не звонил. Конечно, он мог заболеть или уехать, но мог бы как-то сообщить.

Ядовитая и болезненная мысль, что ее просто бросили, как это случается всегда и со всеми (в чем Мила была просто уверена, поскольку жила не в лесу, и всех ее подруг рано или поздно парни бросали), вызвала бессонницу и злость. И злилась она прежде всего на себя. Она отлично помнила их последний разговор. Игорь, прирожденный бизнесмен, человек серьезный и ответственный, у которого в голове скопились уже десятки простых и вместе с тем гениальных бизнес-планов, спросил ее, когда уже наконец ей заплатят обещанные деньги. За какую работу и кто должен заплатить, он не знал. Она не стала его посвящать, потому что не видела в этом смысла. К тому же, скорее всего, он просто бы посмеялся над ней. Но и промолчать тоже не могла, ей важно было сообщить ему о том, что она готова помочь ему, готова дать денег на бизнес. К тому же деньги на самом деле ей были обещаны немалые, пять тысяч евро. Другое дело, все не так-то быстро делается, и никто не знает, когда именно ей придется сделать определенную работу, чтобы заработать эти деньги. Сказали – примерно через пару недель. Вот и получается, что она в глазах Игоря выглядела болтушкой. Наговорила, наобещала, а сама ничего не дала. Но неужели он бросил ее именно из-за денег?

Первые пару дней она места себе не находила, бродила по квартире, прижав к лицу его свитер, который пах его кожей и одеколоном, и играла с собой в игру – разговаривала с Игорем, как если бы он был в квартире. Звала его ужинать, рассказывала ему какие-то свои истории, подходила к двери ванной комнаты и спрашивала, принести ли ему полотенце, и находила еще много разных способов самообмана, чтобы почувствовать себя хотя бы немного счастливей.

Мила временно не работала в ожидании крупного заработка, а потому маялась от безделья и от невозможности поговорить с кем-нибудь об Игоре. Конечно, у нее была парочка подруг, еще с юности, но обе девчонки хорошо устроились в жизни, у них уже были семьи, благополучные мужья и дети. На их фоне Мила, как ей казалось, сильно проигрывала. Поэтому встречаться с ними у нее не было никакого желания. О своей любви и о том, что ее бросил парень, она могла бы поговорить, к примеру, с коллегой по работе, такой же неустроенной и простой девчонкой, как и она, вкалывавшей либо кассиршей в супермаркете или стригущей волосы в парикмахерской. Тем более что опыт работы на подобных местах у нее уже был, и она отлично знала, какой там обитает народ. Выпили бы с такой же неудачницей или брошенкой, поговорили, она бы ей душу и излила, а потом и поплакали бы на пару. А так... нет, не с кем поделиться своей болью. Вот устроит она свою жизнь, разберется во всем, придумает, как ей поступить, тогда все вокруг изменится, да и плакаться кому бы то ни было не будет нужды.

Обычно она не отвечала на звонки с незнакомого номера. Но на этот почему-то решила ответить. Уже готова была обложить матом первого, кто предложит ей кредит. Вот просто так, чтобы им там, работающим в банках, не так сладко жилось.

Но звонили не из банка. Девушка назвала ее по имени и сказала, что хочет с ней поговорить. Что это срочно, и что речь пойдет об Игоре.

Услышав имя любимого, Мила вспыхнула, физически ощутила, как ее бросило в жар. Наверное, звонят из больницы, где находится Игорь.

– Что с ним? Он жив? – Дрожащим голосом спросила она и подумала почему-то, что если бы она была актрисой, то играла бы из рук вон плохо. Что даже сейчас, когда она искренне взволнованна, ее голос звучит как-то фальшиво, некрасиво, ненатурально.

– Я здесь, в кафе, что расположено в вашем доме. С торца. Сажу под полосатым тентом за столиком.

Мила надела белые шорты, красную футболку, белые легкие кроссовки и пулей вылетела из квартиры.

Кто она такая? Если приперлась сюда, значит, не медсестра. Может, она сбила его на своей машине, в больницу не повезла, чтобы не отвечать перед законом, а лечила его у себя дома. Так, что ли?

По голосу – молодая.

Она вышла из подъезда, прошла до конца дома, свернула и в полосатой веселой солнечной решетке теней под тентом увидела красивую молодую девушку в точно таких же белых шортах, но только черной майке. Загорелая, с длинными черными волосами, забранными в высокий конский хвост, с узким личиком и хитрющими, густо подведенными черным карандашом синими глазами. Еще и губы полные, выразительные, не иначе как накачанные.

– Это вы мне звонили?

– Вы – Мила?

– Да, это я. Где Игорь? Что с ним?

– С ним, к счастью, все в полном порядке. У вас, надеюсь, тоже.

– Вы кто и что вам надо?

– Игорь теперь со мной. Это я и пришла вам сказать. Ну и заодно, – и тут она как-то так нехорошо улыбнулась, показывая ровные белые зубки, что у Милы по спине побежали мурашки, – увидеть вас.

– Где Игорь? – Каждое слово Миле давалось с трудом.

– У меня, где же ему еще быть? Он парень серьезный, сами знаете, у него впереди блестящее будущее, и это просто преступление тратить свое время на таких вот простушек, как вы.

Мила молчала. Не знала, что ответить. Мысленно она уже давно опрокинула на нее столик с чашкой кофе, да в придачу привалила ее бетонной плитой. Она даже увидела выпущенные розовые кишки соперницы, смешанные с грязью и песком. Но вслух так ничего и не сказала. Помолчала немного, набирая воздух в легкие.

– Понимаю, тебе сейчас нелегко. Но ты должна, если любишь его, принять эту информацию спокойно. – В голосе соперницы появились нотки фальшивого благообаяния, как это бывает у человека, вдруг вспомнившего, что он приличный и очень правильный, а потому не пристало опускаться до грубости.

Вероятно, в эту минуту Ольга вдруг вспомнила, как же она счастлива, что Игорь теперь с ней, и что она теперь сильно возвысилась над соперницей. Хотя какая она, Мила, ей соперница?

Мила обрушила на нее еще один столик и даже услышала – хрясть! – как размозжила ей голову, а зубы, белые, фарфоровые, «унитазные», посыпались изо рта на асфальт...

– Тебе чего надо? – наконец проговорила она, задыхаясь от злости.

– Чтобы ты больше ему не звонила, поняла? – Теперь и в тоне Ольги послышался металл.

– А можно узнать, что он в тебе нашел? Чем ты лучше меня? И при чем здесь его будущее? Уж не ты ли решила ему помочь с трудоустройством, а то у него вечно нет приличной работы, он постоянно одалживал у меня деньги.

– Знаешь, у каждого человека в жизни бывают сложные периоды. Вот и у Игоря тоже так случилось, что он потерял работу. Но если ты хотя бы немного разбираешься в людях, то должна была заметить, какой он умный и как правильно рассуждает. Сейчас мы живем в очень сложное время, еще эта военная операция на Украине, никто не знает, что нас ждет. Но людям всегда хочется кушать. Вот поэтому мы решили с ним открыть блинную.

– Знаю, – проронила Мила, хорошо знавшая планы и мечты своего возлюбленного. Правда, теперь бывшего.

– Он сказал, что ты долгое время водила его за нос, обещала одолжить ему пять тысяч евро. Он предполагает, что ты все это придумала, чтобы он подольше оставался с тобой, и что никаких денег тебе никто не даст. И я полностью с ним согласна. Глядя на тебя, трудно себе представить, что ты способна за несколько дней (уж не знаю, что это за работа такая, может, в порнобизнесе!) заработать такую кучу бабла.

Мила мысленно метнула в нее бомбу. Атомную. И зажмурилась, не зная, что сказать, чтобы вот прямо сейчас не наброситься на эту суку и не разорвать ее на части. Надо же, что придумали, – порно! И ведь веселились, наверное, представляя себе всю ту мерзость.

– А что можешь дать ему ты? – решила она спросить на всякий случай.

– Во-первых, у меня уже есть небольшой бизнес. Два небольших продуктовых магазинчика в СНТ, в Марфине, и одна скобяная лавка. Магазины работают круглогодично, поскольку люди там проживают круглогодично, а вот скобяная лавка открыта только в сезон. Зато там отличные обороты в весенне-летнее время.

– Поздравляю. СНТ, садовое товарищество – это как раз его уровень. Ладно, я пошла. Звонить больше не буду.

– СНТ – это не его уровень, согласна. Да только мне уже одобрили кредит, и мы арендуем кафе в самом удобном месте, на шоссе, в нескольких метрах от моего дома, где и откроем блинную. Вот, собственно, это все, что я хотела тебе сказать.

– Приличнее было бы и как-то по-мужски, если бы Игорь сам приехал и объяснился со мной. Или ты взяла этот разговор на себя, потому что он доставил тебе радость? Ты, наверное, покайфовала, рассказывая мне тут о ваших планах? Где же вас, таких сучек, делают?

– Ладно. Я пошла. А ты, милочка или, как тебя там – Мила (какое жлобское имя!), хорошенько подумай прежде, чем обещать мужику с три короба!

Она встала, и Миле удалось рассмотреть ее всю, от макушки с сияющими на солнце волосами до подошвы белых теннисных тапочек, новеньких, дорогих. Длинноногая, стройная, уверенная в себе. Гадина. Поняла ли она, что только что убила Милу? Или смертельно ранила?

Мила представила себе Ольгу без одежды в объятиях Игоря, и в горле образовался саднящий ледяной ком, а из глаз брызнули предательские слезы. Она теперь владеет им. Она видит его, слышит его голос, она лежит у него на плече, она смотрит, как он ест, наслаждается его поцелуями...

Ольга остановилась на ступеньках кафе, повернулась к Миле, желая сказать, видимо, ей еще что-то такое, что могло бы причинить боль, но не нашла подходящей фразы и, радуясь вообще тому, что она отвадила соперницу и теперь они с Игорем могут спокойно печь блины, удалилась, покачивая стройными бедрами.

Что это вообще сейчас было? Зачем она приезжала? Игорь дал ей адрес и сам отправил ее сюда, потому что она хотела покоя и ее нервировали частые звонки Милы Игорю? Она хотела определенности, хотела, чтобы их оставили в покое. Ладно.

Мила, перед тем как пойти домой, зашла в магазин и купила вина. Дома выпила полбутылки и легла в гостиной перед телевизором. Дыхание ее становилось тяжелым, она прямо-

таки захлебывалась воздухом, а сердце в груди снова забухало, да еще и с болью. И вдруг она, сжавшись, исторгла из себя такой странный горловой стон, как если бы она была диким раненым зверем, обреченным умирать в полном одиночестве в своей норе... Потом завывала. Тихо, протяжно, с хрипом и стоном.

Марфино. СНТ. Хорошо. Надо бы подумать, что купить в скобяной лавке.

4. 31 июля 2022 г

– Значит, говоришь, он все-таки связался с Петром, да?

– Да. Это и успокоило меня. Хотя, ну, не могу себе представить ситуацию, при которой адвокату приходилось бы так глубоко залечь на дно, чтобы даже не иметь возможности позвонить жене.

Женя с Тоней, решив передохнуть во время уборки, расположились за столиком на террасе. Женя приготовила кофе. Петр пока еще не появлялся, Женя предположила, что ему не так-то легко будет справиться с бородой и прочей растительностью на лице. Хотя она не удивилась бы, если бы он все это время просто спал. Или, того хуже, пил в своем кабинете, обнявшись с бутылкой виски. Слабый человек, чего с него взять?

– А что мы вообще знаем о наших небожителях? Я имею в виду клиентов адвокатов такого уровня, как твой Борис? Кто знает, в какие передраги они могут влипнуть? Но то, что там пахнет большими деньжищами, я просто уверена. Может, кто-то взял непомерно большую взятку, да и поделился ей с кем-то повыше, и кого-то сцапали... Или, снова о взятке, кто-то купил себе теплое место в Кремле...

– Тоня!

– Да я просто предполагаю! Хотя вполне возможен и криминальный вариант. Мало ли что случается в этих семьях. Все они живые люди, любят, разводятся, убивают, обманывают, воруют... Но только и я тоже не понимаю, при чем здесь адвокат? Это же нейтральное лицо. Зачем его-то подвергать опасности?

– Тоня!

– Все-все, молчу. В сущности, если разобраться, то ты замужем за адвокатом всего ничего, а потому у тебя нет опыта в этом вопросе. Вот вернется Борис, расскажет тебе все или хотя бы намекнет, что с ним случилось, и ты будешь уже знать больше о его работе и тех опасностях, с которыми ему приходится сталкиваться. А как ты думала, дорогая?! Там, где хорошо платят, и требования высокие.

– Так-то оно так, да только я не понимаю... Смотри, вот взять, к примеру, Петра. Уж он-то знает своего брата с самого рождения. И уж побольше моего в курсе его дел и особенностей его профессии. Тогда скажи мне, если он предупрежден, если он знает про Бориса больше, тогда почему же так раскис, когда Боря пропал? Хорошо, что ты не видела его... Прямо-таки Робинзон какой-то! Опустился ниже плинтуса. А ведь он культурный, интеллигентный человек. Во всяком случае, именно таким я его всегда считала. А вот, поди ж ты, превратил дом в помойку! И это при его-то возможностях! Что ему мешало нанять клининговую компанию, чтобы вывезти весь этот мусор? Чтобы почистили ковры, помыли окна, унитазы... Думаю, что он ничего и не готовил себе. Во всяком случае, грязная посуда, как ты сама видела, не мыта много дней. А это значит, что он последнее время вообще ничего не ел. Вот увидишь его, он стал похож на скелет!

– Но если все так, как ты говоришь, значит, он на самом деле сильно нервничал и уж точно не знал, где брат и что с ним. Возможно даже, он уже и похоронить его успел в своих мыслях. Уф... Главное, что Борис жив, что он отозвался.

– Тоня... Но если он нашел возможность связаться с братом, то почему не позвонил мне?

– Я тоже думала об этом. Предполагаю, он просто не хотел светить твой номер. Такое может быть?

– Полагаешь? Что ж... Буду цепляться за последнюю соломинку. А что мне еще остается?

Послышался гул, шум, и вот на аллее показался большой грузовик. Он направлялся прямо к дому. Женя и Тоня вскочили, переглянулись. Грузовик притормозил возле террасы,

после чего проехал дальше по дорожке, свернул за дом и затих. Женя бросилась туда, Тоня – следом.

– Вы кто такие и что здесь делаете?

– Мне сказали привезти сюда материал, я и привез. Мое дело маленькое... – И водитель грузовика, молодой парень в клетчатой рубашке и синем комбинезоне, назвал адрес.

– А что это за мешки?

– У меня список, составленный хозяином.

Появился Петр. С розовым, чисто выбритым лицом и печальными глазами. На нем были смешные длинные, яркие, расписанные пальмами и жирафами шорты и белая майка.

– Но я ничего не заказывал! – довольно уверенно проговорил он.

– У меня документ, все оплачено. Сами разбирайтесь! – И парень продолжил выгружать из кузова большие пакеты, судя по всему, со строительными смесями.

– Петр! – Женя бросилась к нему. – Вам что-нибудь об этом известно? Что все это значит?

– Возможно, Борис заказывал... Помнишь, Женечка, ты хотела сделать пристройку и устроить там зимний сад?

– Да мало ли что я говорила? И когда, интересно, Борис мог все это заказать?

– Возможно, до своего исчезновения, – пожал худыми плечами Петр.

Антонина рассматривала его так, словно увидела перед собой не старого знакомого, а настоящую гориллу. Но он и в самом деле сильно изменился. Похудел, осунулся.

Аккуратно разложив пакеты, водитель грузовика пробормотал, что примерно через два часа он придет с напарником и привезет навес и остальные материалы, и уехал!

– Да что это за чертовщина такая?! – Воскликнула, уставшая удивляться Женя. – Когда-нибудь закончатся эти тайны?

– Да не переживай ты так, – тоном заботливого отца проговорил Петр. – Ведь это же нам все везут, а это главное. Вот если бы кто-то приехал и начал бы выносить наши вещи...

– Петр Михайлович, – возмутилась Тоня, – прекратите пугать Женю. Не видите разве, она и без того нервничает!

– Да я просто пытался пошутить. Послушайте, как видите, я привел себя в порядок и теперь готов помогать вам в уборке дома. Мне очень, очень стыдно, конечно, что я настоящий свинтус, что так расслабился, вернее даже, раскис... Но теперь вы здесь, и жизнь словно возвращается в этот дом. Так что, мои дорогие барышни, можете мной распоряжаться. Не могу сказать, что я такой уж хороший уборщик, но вычистить ваннные комнаты, предварительно надев резиновые перчатки, я вполне смогу.

– Вы приберитесь в своей комнате, хотя бы пропылесосьте там, а я тем временем закажу обед в ресторане, – сказала, скрывая усмешку, Женя. Она с трудом могла себе представить Петра, в резиновых перчатках драившего ванну. – Не знаю, когда вы ели в последний раз, предполагаю, что давно, а потому предлагаю нам всем пообедать.

Кухня к тому времени уже была начищена до блеска, посудомоечная машина, загруженная второй раз, издавала такие мирные, приятные слуху звуки, что Жене на какой-то миг показалось, что весь тот ад, в котором она находилась последние дни, ей приснился. Что дом живет своей прежней, гармоничной жизнью, что все чистое и ухоженное, что вымытые комнаты проветриваются свежим воздухом, а в саду веселые фонтанчики поливают цветы и газоны. Что где-то в глубине дома в своем кабинете сидит за документами ее Борис, а неподалеку от него, за стеной щелкает пальцами по клавиатуре возмнивший себя писателем Петр.

Женя позвонила в ресторан, спросила знакомого администратора, давно ли им звонил Петр, и узнала, что с тех самых пор, как она уехала в Калину, никто из братьев еду из ресторана не заказывал. И как-то тяжело стало на душе, как если бы она узнала, что ее предали. А где же они покупали еду, остатки которой она видела на тарелках перед тем, как уложить

их в посудомоечную машину? Мясо, соус, пюре, салаты... Должно быть, Борис привозил из Москвы. Или же Петр сам пытался что-то приготовить.

Женя пыталась хотя бы по самым маленьким деталям понять, как жили братья в ее отсутствие. Но так ничего и не поняла. Вернее, про Петра-то она поняла все, а вот следы пребывания в доме Бориса так и не нашла. Практически вся его одежда была аккуратно уложена в шкаф, отсутствовали лишь спортивные шорты и черная футболка. Все костюмы на месте, все джинсы, брюки. Хотя она могла и ошибаться, тем более что у Петра в Москве имелась квартира, а там тоже наверняка был шкаф с одеждой.

Заказав три порции куриного супа и бараний шашлык с салатом, десерт и напитки, Женя позвонила Валере Реброву. Она четко слышала, как трубку подняли.

– Валера, пожалуйста, не крышуйся, не прячься от меня. И не говори, что так занят, что не можешь говорить. Где Борис?

Но вместо знакомого голоса она вдруг услышала короткие гудки – Ребров, мерзавец, не хотел с ней разговаривать.

В ожидании обеда Женя с Тоней разошлись по ванным комнатам, чтобы привести себя в порядок. Встретились на кухне. И когда раздался шум мотора, и Женя была уверена, что это ресторанная доставка, была окончательно расстроена, когда оказалось, что это снова грузовик с не очень-то разговорчивым водителем. На этот раз он привез большие пластиковые ведра с краской, и пока выгружал, появилась еще одна большая машина – привезли гигантские стекла ли, окна, и все это смахивало на основные детали стеклянной пристройки – будущего зимнего сада.

Женя, понимая, что процесс уже не остановить, да и какой в этом смысл, махнула рукой на все это и даже обрадовалась, когда увидела ресторанный фургон. Знакомый мальчик принялся выгружать коробки с едой. Подоспевший к этому времени Петр принялся помогать Жене и Тоне накрывать на стол.

Когда все принялись за куриный суп, в кухню заглянул водитель грузовика, протянул Петру документ на подпись, мол, подпишите, что все получили.

Петр, не читая, подписал.

– Вы же не прочли! – воскликнула Тоня. – Надо же проверить!

– Да бросьте, Тонечка! Если чего-то не будет хватать, это все равно выяснится, и мы позвоним, сообщим...

Тоня между тем пробежала взглядом по накладной. Задержалась, словно зацепившись за что-то непонятное в тексте или цифрах, после чего нерешительно так кивнула и очень странно, как-то совсем уж неестественно улыбнулась.

– Все в порядке, – сказала она, отводя взгляд от водителя. – Спасибо!

Когда грузовик уехал, на кухню вошел, предварительно позвонив в звонок, водитель машины, которая привезла стеклопакеты. И также попросил подписать накладную. Петр, с трудом оторвавшись от тарелки с супом, быстро подписал.

– Спасибо, голубчик! – улыбнулся он, подмигивая ему, после чего достал из кармана шорт пятисотенную купюру и протянул ему.

И вот наконец все разъехались и наступила тишина, прерываемая позвякиванием приборов, посуды. Все с аппетитом принялись за шашлык.

– Это божественно! – простонал в восторге Петр. – Вот умеют же готовить! Мне бы так научиться, глядишь, сэкономили бы на ресторане.

И он внезапно расхохотался! Да так весело, что даже Женя, находящаяся не в самом лучшем расположении духа, улыбнулась и почувствовала себя спокойнее. Ну, раз братец так развеселился, значит, с Борисом все обстоит более-менее.

На десерт был яблочный пирог и чай. Петр, плотно пообедав, поблагодарил Женю за прекрасную еду и отпросился к себе – поспать.

И вот когда Женя с Тоней остались одни, и Женя принялась убирать со стола, Антонина сказала:

– Все эти накладные оформлены не на Бронникова, причем не важно, на какого, Бориса или Петра.

– В смысле?

– На какого-то Петрова Г. В.

– Тоня!

– И пакеты, и стекло.

– Тогда почему же ты промолчала?

– Так не у нас же украли, а нам привезли, вот я и подумала – а почему бы и нет... В крайнем случае, потом разберутся и увезут.

– Ну, ты прямо как Петр... Тоня, что все это значит?

– Да не бери в голову. Может, Борис попросил кого-то по фамилии Петров все это закупить и привезти сюда. Чудес-то не бывает! Слава богу – адрес совпадает. Полностью.

– Ну, тогда ладно... Тонечка, очень тебе благодарна за помощь. Так выручила меня! Можешь возвращаться домой, но если не хочешь там впрягаться в домашнюю работу, то позвони, скажи мужу, что у тебя здесь неотложные дела, и ты останешься у меня ночевать. А мы ему за это отправим бутылку хорошего виски, а? Останешься?

– Если честно, то я на самом деле так устала, что мне уже ничего не хочется делать дома. Дети у мамы, Виктор наверняка спит на диване под какой-нибудь сериал... А домашние дела – они всегда есть.

– Оставайся! Сейчас и мы тоже устроимся в гостиной, включим телевизор, посмотрим какой-нибудь интересный фильм. Ты видела «Замужество Марии Браун»?

Но ответа Тони она так и не услышала. Снова послышался звук подъезжающей машины, Женя, словно предчувствуя что-то нехорошее, метнулась к двери, распахнула ее, впуская в холл прохладный, сладко пахнувший скошенной травой и цветами, воздух, буквально выбежала на террасу и чуть не столкнулась с незнакомой молодой женщиной. В белом брючном костюме, высокая и стройная, она решительно поднималась по ступеням крыльца, нагруженная пакетами и связанными коробками.

– Але-гараж! – Только и смогла выговорить Женя, преграждая ей путь. – Вы кто и куда это направляетесь?

– Домой, куда же еще! А вы кто? Домработница? Меня предупредили, что этот дом продается вместе с толковой и очень приятной домработницей Женей. Так это вы? Давайте знакомиться! Меня зовут Люба.

И женщина протянула ей руку.

Тоня, появившаяся за спиной Жени и все слышавшая, бросилась к женщине помогать ей с коробками. Она изо всех сил старалась держать себя в руках и действовала весьма миролюбиво.

– Должно быть, произошла какая-то ошибка. И этот дом не продается, – она аккуратно опустила стопку коробок на пол. – Это собственность братьев Бронниковых. У нас и документы на дом есть, ведь правда, Женечка? И домовая книга, словом, все-все!

Женя бросилась к Петру, замолотила кулаками по двери. И не дождавшись ответа, открыла ее и буквально ворвалась в комнату. Петр спросонья вообще ничего не понял.

– Где, где документы на дом? Что происходит? Пришла какая-то женщина и говорит, что она купила этот дом! С вещами пришла, с коробками...

Ее колотило.

– Ты только не нервничай. Пойдем, я поговорю с этой женщиной.

Люба, к счастью, тоже не намерена была скандалить или что-то там доказывать. Да и документов у нее тоже при себе никаких не было.

– Всеми делами занимается мой муж. Мне он просто показал на прошлой неделе дом и сказал, мол, зайчонок, я купил дом под Подольском. Очень красивый и удобный. А еще там замечательная домработница Женя. Он дал мне ключи, и вот я здесь! Я понимаю, все это, скорее всего, произошло слишком быстро, и вас не успели предупредить... А вы, кстати, кто? Кухарка? – Этот вопрос она адресовала уже Тоне, которая смотрела на нее выпученными глазами и, казалось, потеряла способность дышать. – Ладно, потом во всем разберемся. Но пока я просто оставляю у вас свои вещи, хорошо? Это мои халаты, тапочки... Кстати, как вам моя идея устроить здесь зимний сад? Завтра, думаю, уже начнется завоз растений... Поначалу поставим их вот здесь, в холле, отличное место, просторное и солнечное. С моими пальмами и араукарией, думаю, здесь ничего не случится, пока идет строительство зимнего сада... Так, ну, кажется, пока все. Извините, что так все произошло... Предполагаю, вам дали месяц, чтобы освободить дом. Мой муж обычно дает месяц бывшим жильцам. Кстати...

Она повернулась к Петру. Он, онемевший, просто стоял рядом и мотал головой, словно пытаясь проснуться.

– Вас, случайно, не Борисом зовут? На садовника вы как-то ну совсем не похожи... Слишком уж благородно выглядите. Это комплимент, если вы не поняли! – Она широко улыбнулась, чем окончательно всех обезоружила. – Получается, вы – один из братьев Бронниковых, я угадала? То есть бывший хозяин!

Она почему-то снова просияла, как если бы угадала слово и вот только что выиграла в конкурсе миллион долларов.

– Вероятно, – произнес убитым голосом Петр, схватился за голову и, круто развернувшись, быстрым шагом удалился прочь.

5. Вера – Лизе

Здравствуй, моя дорогая Лиза. Когда я получила твоё письмо, то на самом деле подумала, что ты пьяна. Потому что ну очень уж оно странное. Какие-то метаморфозы, поездки в Париж. На самом деле, любой на моем месте предположил, что у тебя не все в порядке с головой. Но когда я приехала к тебе и увидела, что ты, по сути, в полном порядке, что вполне адекватна, и ты такая же прекрасная, с чистой душой, а еще красивая и полная сил, то быстро отмела все эти свои гнусные предположения.

А еще, общаясь с тобой, беседуя, что я всегда делаю с большим удовольствием, поскольку ты человек неординарный, интересный, я поймала себя на мысли, что мы ну совсем ничего не знаем о нашей вселенной. Да-да, вот такие мысли меня посетили, когда я сопоставила строки твоего письма с тем, в каком состоянии я тебя увидела. Сначала я пыталась как-то объяснить с научной точки зрения, что бы с тобой могло произойти, чтобы ты потеряла память на время и не могла вспомнить, что произошло с тобой в Париже, пока ты общалась со своей богатой, как ты говоришь, родственницей. Но поскольку я не ученый и мало что понимаю в таких странностях, то я предположила самое простое – перед тем, как тебе сесть на самолет, твоя родственница попросту опаивает тебя наркотиками, чтобы ты забыла о ее богатстве. Или забыла что-то еще, что помогло бы тебе, будь ты мошенницей, к примеру, найти способ, как бы раскошелить ее, стясти с нее побольше денег. Вот ничего другого в голову как-то не приходит. И ключевое слово, которое ты произнесла в своем письме – богатая родственница, понимаешь? Было бы не лишним узнать, есть ли у нее наследницы. вполне возможно, что ты и есть единственная ее наследница, и она тебя просто проверяет на вшивость.

Конечно, все эти мои рассуждения пошловаты, даже спорить не буду. Но что поделать, если там, где большие деньги, – всегда что-нибудь случается? Но оставим это твоё странное состояние в самолете, когда тебе дурно, и кожа чешется... Отнесем это все-таки к каким-то химическим препаратам, которые оказываются в твоём организме помимо твоей воли. Может, это родственница (назову ее тетей для удобства) подливает тебе в кофе или сок эту гадость, преследуя какие-то свои цели. Или, кстати говоря, это может делать какая-нибудь другая родственница, просто человек, который реально мечтает стать наследником или наследницей, а ты им, как кость в горле.

И скорее всего, так оно и есть, иначе, если бы это делала твоя тетя, то, спрашивается, если она в тебе не заинтересована, если ты ей не нужна, то с какой стати, ты так часто катаешься туда? Вероятно, вы созваниваетесь, и она просит тебя приехать. Жаль, что ты не вспомнила детали. И жаль, что мы с тобой так ни разу и не поговорили на эту тему. Получается, что в письме ты была откровенна со мной, объяснила своё состояние и призналась, куда тратишь деньги, а когда я приехала и мы были с тобой вдвоем, и тебе как бы ничто не мешало рассказать мне все в подробностях, ты молчала, и мы разговаривали с тобой на разные другие, отвлеченные темы. Я даже подумала, будто бы ты стыдишься своего письма. И даже сожалеешь о том, что была так со мной откровенна. Не надо стыдиться. Ты – моя самая близкая подруга, и я никогда не оставлю тебя, даже если почувствую, что ты заболела. Не важно, что у тебя. Скажем, амнезия или что-нибудь подобное. Знай, я всегда помогу тебе.

Теперь о деньгах. Конечно, я подожду. Отдашь, когда сможешь. Это вообще не вопрос. Но позволь дать мне тебе совет. Не могла бы ты, садясь в самолет, следующий в Париж, написать у себя в блокноте все то, о чем ты хотела бы спросить свою тетю. Составь список вопросов и когда окажешься у нее дома, дождись удобного момента и поговори с ней по душам. Объясни ей, елки-палки, что тебе накладно кататься туда-сюда, что ты не так богата,

чтобы тратить все свои деньги, да еще и одалживать их, на поездки к ней. И не могла бы она выделить тебе деньги на билеты, да и просто помочь с деньгами, чтобы ты могла расплатиться с долгами. А еще спроси, не нужна ли ей компаньонка, скажи, что ты с радостью пожила бы с ней. Ведь если она хочет, чтобы ты так часто навещала ее, значит, она нуждается в тебе, понимаешь? Может, она несчастная и брошенная всеми одинокая женщина, для которой ты, твое присутствие – как глоток свежего воздуха.

Подумай, какие вопросы ты ей задашь. И, самое главное, не стесняйся спрашивать про деньги. Люди, живущие в Европе, отличаются от наших, русских, душевных и открытых людей. Для нее деньги – это самое главное. Вот и поговори с ней, открыто попроси денег. Я погулила, в какой округе она живет. Центровая тетка твоя! Да, еще, чуть не забыла! Когда будешь у нее там, спроси, узнай ее фамилию и запиши в блокнот, поняла? Быть может, мы сами здесь потом узнаем, кем она тебе точно приходится.

Я привезла тебе продуктов, денег, чтобы ты не переживала и почувствовала себя спокойнее. Жди момента, когда труба тебя снова позовет в дорогу. Как только это случится, сразу же позвони мне, мы поговорим. И не забудь про блокнот! Все будет хорошо, Лиза, так что держи хвост пистолетом и не отчаивайся.

Обнимаю тебя.

Твоя Вера.

6. 26 июля 2022 г

Выйдя из маршрутного такси, Мила, нахлобучив поглубже на голову бейсболку, прикрыв козырьком лицо и стараясь не привлекать к себе внимание, а потому даже не спросив у местных обитателей, ехавших вместе с ней до Марфино, где находится скобяная лавка, решила сама заняться ее поиском.

Погода была прекрасная, чуть прохладная. Все вокруг было зеленым и благоухало. Мила, оглядывая дачные окрестности, любуясь домиками с ухоженными участками с садами и ровными грядками, тихо плакала, все еще не в силах поверить в то, где она и зачем сюда приехала. Как, как могло такое случиться, что какая-то гадина приехала к ней, чтобы рассказать о том, что Мила – страшная и бестолковая уродина, от которой ушел ее парень. Что она болтушка, что никаких денег она никогда бы не заработала. Это какой сволочью, стервой надо быть, чтобы специально выведать у Игоря адрес своей соперницы, приехать к ней и застрелить ее прямо в сердце. Именно пристрелить. Или нет, она ее зарезала. Без ножа. Словами, одним своим видом, своим насмешливым и презрительным взглядом, своими стройными ляжками, полной грудью, густыми черными волосами, своей уверенностью и счастьем. Зачем она это сделала? Ну, ушел Игорь от своей бывшей, теперь он с тобой, так радуйся, обнимай его, наслаждайся им, строй планы, угождай ему, давай денег, верь в него, живи с ним, рожай ему детей! Так нет же. Этого счастья ей оказалось мало!!! Она захотела увидеть соперницу и рассказать ей о своем счастье и приказать оставить Игоря в покое. Не звонить ему.

А что Игорь? Тряпка. Почему он сам не приехал и не рассказал ей, что полюбил другую девушку. Ну а если и не полюбил, то просто прилепился к той, что показалась ему более перспективной, денежной, удачливой. Может, она к тому же еще и в постели более раскрепощенная и позволяет ему многое, на что не соглашалась Мила? Пусть. Так скажи об этом, будь ты мужиком! Нет. Просто исчез. Даже не подумал о том, что происходит сейчас с ней? Неужели ему в голову не приходит, что она волнуется за него. Что предполагает самые ужасные вещи, что он мог попасть под машину, что заболел, что операция... Да мало ли какие причины могли быть, которые помешали ему не то что приехать к ней, даже позвонить?! Вот странно было бы, если бы она не стала его разыскивать, обзванивать больницы! А она звонила? Ведь не звонила... А почему?

Мила даже остановилась, чтобы спросить себя, почему она-то сама повела себя не совсем правильно? Неужели внутреннее чутье подсказало ей, что он жив и здоров? Такое может быть? Она же просто сжалась, замерла в ожидании информации о нем. Да и вообще, сколько дней-то прошло? Она и не помнила. Может, неделю она его не видела. И ведь злилась. Получается, что и она вела себя не так, как должна была бы вести себя влюбленная девушка. Так, может, она и не любила его? И изначально злилась, когда он задавал ей слишком много вопросов о деньгах, мол, когда же ты заработаешь эти тысячи евро? Они не говорили о свадьбе, деньгах, о будущем, Игорь был заиклен исключительно на деньгах и постоянно искал способы заработать. И да, он действительно мечтал открыть блинную. Что ж, пусть открывает.

Мила даже не шла, а маршировала, отбивая пятки о твердую дорогу, словно даже и ноги ее злились, а потому сделали ее походку нервной, чрезмерно упругой, жесткой. Она имела самое смутное представление о том, куда она идет и зачем. Хотя воображение и рисовало ей маленький неказистый магазинчик товаров для сада с выставленными по обеим сторонам от двери металлическими тележками с задранными рогами ручек, прислоненными к стене цветными дешевыми тазами, рулонами с пластмассовыми сетками, рубероидом, яркими садовыми лейками...

Она шла по самой широкой дороге, направляясь туда, куда и прочие дачники, и, наконец, оказалась на развилке, как бы в центре садового товарищества, куда сходились дорожки,

ведущие к дачам, и где располагалось несколько небольших магазинчиков, беседка с лавками, самодельные, сбитые из досок, прилавки, за которыми дачницы торговали поздней клубникой и зеленью. Загорелая бабушка в джинсовой куртке только и успевала продавать бутылки с домашним молоком. Когда Мила приблизилась к ней, сидящей на старом выгоревшем тюфяке, большая сумка-термос была уже пустой. Молочница была в отличном расположении духа и, пересчитав выручку, аккуратно сложив купюры, сунула в прикрепленную к поясу потрепанную борсетку.

– Здравствуйте... – начала было уже Мила, да вдруг вспомнив, что ее никто здесь не должен вообще запомнить, и что ей нельзя заговаривать об Ольге, хозяйке скобяной лавки, она криво улыбнулась и зачем-то спросила: – Это у вас коровье было молоко или козье?

– Коровье. Козье сын привезет через полчаса. Так что, если нужно, приходите, вмиг все раскупают деткам.

«Какая же ты дура!» – подумала про себя Мила, поражаясь тому, что совершает одну глупость за другой.

Первой глупостью была поездка сюда. Она знала, вернее, чувствовала, что здесь случится что-то ужасное, неотвратимое. Второй глупостью было ехать на маршрутке. Она должна была заказать такси – все же меньше свидетелей. А эта бабка-молочница? Это уже третья глупость. Чуть было не начала расспрашивать ее про Ольгу.

Она уже отошла от молочницы и двинулась в сторону магазинчика с товарами для сада, как вдруг оттуда вышла Ольга. Одета она была, не в пример вчерашнему наряду, просто. Джинсовые шорты, черная майка, растоптанные пыльные кроссовки. Волосы спрятаны под пестрой красной косынкой. Бизнес-леди, одним словом.

Мила метнулась за беседку и теперь наблюдала оттуда, куда пойдет Ольга. И была еще больше удивлена, когда увидела Игоря, показавшегося в дверях магазина.

– Закажи еще два шланга тридцатиметровых, тех, что по акции! – крикнул он вдогонку Ольге. Та обернулась и улыбнулась ласково, как кошечка. Видимо, ее счастье умножилось вдвое, когда она поставила своего любовника за прилавок скобяной лавки. Вот мерзавка! – И препарат против муравьев!

– Хорошо.

И Ольга весело и бодро зашагала в сторону шлагбаума, за которым виднелась лиловая от асфальтовой крошки ровная дорожка, уходящая в густые сады.

Мила двинулась за ней. Ее быстро обогнала парочка подростков, дымящих сигаретами. Они о чем-то весело разговаривали, хохотали, бледный парень-альбинос в очках то и дело пытался обнять длинноногую загорелую девчонку в желтом коротком сарафанчике.

Ольга оглянулась, Мила в это время опустила голову, и потом, уже потеряв интерес к подросткам, прибавила ходу. Буквально через три дачи Ольга вошла в голубую калитку (на ней белела табличка «Виноградная, 13»), подростки, гогоча, пошли дальше, а Мила задержалась.

За металлическими голубыми воротами с калиткой высился двухэтажный аккуратный дом. Не дачка, а именно дом, куда вела желтая газовая артерия. Стеклянная веранда, увитая розами и клематисом, добротная каменная дорожка, ведущая к крыльцу, ступени которого были заставлены горшками с геранями, большие кусты роз поодаль, старые, разросшиеся яблони... Все основательное, красивое, дорогое. Наверняка и в доме так же хорошо, просторно, чисто, с удобными кроватями и диванами; в стиральной машинке стирается белье, в холодильнике стоит большая кастрюля с борщом, контейнеры с котлетами и пюре, а на столе стоит медный таз с недоваренным клубничным вареньем. Вот таким Мила увидела это ненавистное ей хозяйство. И почувствовала, как в носу защипало от близких слез. Ведь здесь, в этом доме, Игорь обнимает теперь другую девушку, целует ее, гладит ее нежно, шепчет в ухо о своей любви и верности, потом просит ее принять определенную позу, которая ему больше всего нравится...

– Уф... – Она принялась глубоко дышать, чувствуя, что еще немного, и она потеряет сознание. Никогда еще ей не было так тяжело.

И вдруг, в какой-то момент, она почувствовала себя необыкновенно легкой, словно кто-то наделил ее силой и уверенностью, она даже перестала чувствовать свое тело, и вся превратилась в невесомое и очень опасное животное. Леопард или гепард? Она усмехнулась, понимая, что это ее состояние весьма обманчивое, кратковременное, что она еще сама не понимает, что с ней происходит, но, скорее всего, ею движет мощное чувство ненависти к этой воровке чужих мужиков, к этой доморощенной бизнес-леди, которую она мысленно уже много раз изничтожила. Как бы не растерять, не расплескать это чувство и не одуматься, не опомниться, а сделать все быстро и правильно. Но как, чем?

Мила остановилась перед крыльцом, задержала свой взгляд на герани, улыбнулась. Вот интересно, если бы у нее самой был такой дом и сад, стала бы она разводить герани? Или предпочла ей бегонии? Хотя да что ей вообще известно о цветах? У нее же и дома нет ни одного цветка, потому что за ними нужен уход, они живые, их надо вовремя поливать... Ей и Игорь еще сказал как-то, что это нехорошо, что у нее дома нет цветов, как если бы она жила здесь временно. А что, если он сказал не просто так, а вложил в эту фразу что-то поважнее простого комментария? Что, если он примеривался к ней, как к будущей жене, и это отсутствие комнатных растений в ее доме стало большим минусом ей, как женщине и хозяйке, как будущей матери? А вот встретил Ольгу, возможно, в маршрутке или еще где, она пригласила его, красивого парня к себе домой, может, попросила помочь обрезать дерево или выкопать поросль, подправить забор за деньги или... Словом, заманила парня к себе, накормила вкусно, показала спальню, а заодно и себя целиком, а потом и рассказала о себе, о своих магазинах, дала ему понять, что у нее и денежки водятся, и кредит ей одобрили, и что кафе хочет открыть, а он тут же ррраз (!!!) – и свою идею с блинной подкинул... Она как представила себе уютное кафе со столиками, стопки горячих блинов, банки с вареньем, довольные лица посетителей, постоянно растущий счет в банке, так и поняла, что надо брать быка (то есть Игоря, потенциального работника) за рога и открывать свой бизнес. Вот так все и сладилось.

А это ничего, что он любил ее, Милу? Что она любила (а может, и сейчас еще любит) Игоря, и у них могло быть будущее, дети? И та же блинная, если бы он только подождал немного, хотя бы месяц-полтора? Откуда им обоим знать, где она собиралась заработать и каким образом? Да каких только способов заработать нет! Главное – вовремя сориентироваться и принять решение. А деньги у нее будут. Обязательно будут. Гарантированно. И с минимальными для нее затратами. Вернее, совсем никакими. Да ей просто повезло, что она встретила таких людей, которым деньги некуда девать!

Под яблоней на столике кто-то, видать, мастерил скворечник. Он был почти готов, его оставалось только раскрасить, о чем свидетельствовала коробка с тюбиками масляной краски: красная, зеленая, белая. Скорее всего, скворечник мастерил Игорь, а вот раскрашивать его планировала Ольга.

Здесь же на столе лежал молоток и коробка с гвоздями, плоскогубцы. Вечером, после работы, утомленные, но довольные, они бы поужинали на веранде, посидели бы за столом под яблоней, Олечка раскрашивала бы скворечник цветочками, да веточками с красными ягодами, Игорь хлестал бы пиво, улыбался ей влажными губами, пытался выяснить, поступили ли денежки на счет, прошелся бы по выручке в магазине, рассказал бы какую-нибудь совершенно неинтересную историю о том, как, будучи временным продавцом (скорее всего, Ольга поставила своего любовничка за прилавок, чтобы заменить постоянного продавца), ему удалось продать несколько шлангов, садовую тачку или три топора с молотками...

Так. Стоп. Топор или молоток? От топора будет много крови.

Она решительно взяла в руки молоток и засунула за пояс, спрятав под футболку. Быстро поднялась на крыльцо и позвонила в дверь. Почти сразу же сама открыла дверь и крикнула

в кондиционированную прохладу дома, где пахло почему-то чесноком (должно быть, Олечка маринует курочку к ужину):

– Ольга, это Мила. Выйди, пожалуйста, на минутку. Я привезла кое-какие вещи Игоря!

Она мгновенно возникла на пороге. Глазищи – выпученные, испуганные, удивленные. Даже рот открыла от удивления. Миллион вопросов сразу за клубился в голове: как нашла нас, что ты здесь делаешь, какие еще вещи?

Мила даже не сразу и поняла, реально ли она с размаху хряснула молотком по голове Ольги, или же, как это она обычно делала, – вообразила себе это движение.

Ольга упала. Тяжелая, неуклюжая, сначала сложилась пополам, а потом кубарем, неловко взмахнув длинными и какими-то сухими, как деревянные палки, ногами, перевернулась и, со всего маху впечатавшись лицом прямо в острый край каменной ступени, рухнула прямо к ногам Милы.

Мила быстро перевернула ее, чтобы увидеть лицо Ольги. Прямо как в кино – расквасилось, засочилось кровью. Нос съехал куда-то в сторону, превратив лицо в уродливую кровавую маску (как в фильмах ужасов!). Поврежденная кожа лица на глазах меняла цвет с розовой до синеватой красноты и фиолетовости.

Мила пощупала ее шею, хотя понятия не имела, где та самая артерия, в которой должна биться кровь, жизнь. И только по полуприкрытым глазам, замершим (ну точно, как в кино!), неживым, она поняла, что Ольга больше никогда не поднимется, не произнесет своими разбитыми толстыми губами ни слова гадости, ни посмеется над ней, и не поцелует Игоря.

Взяв ее руку, пощупала пульс. Его не было. Ольга была мертва.

Надо было ее срочно убирать с этого места. Отволочь в сад, подальше.

Мила взялась за ноги своей мертвой соперницы и поволокла, стащив ее с дорожки, в кусты. Розы, пышные, роскошные, провожая свою хозяйку в последний путь, царапали Милу, словно пытаясь ее остановить. Какая же тяжелая была эта девка! Под яблоневыми и грушевыми деревьями было темно и прохладно, вот туда, в самый конец сада, поближе к кустам ежевики она и отволокла тело Ольги. Как рулон, закатила его в самые ее заросли, повыдирала руками охапки сочных и удивительно красивых папоротников и прикрыла ими труп. Ну вот, собственно говоря, и все!

Она вышла из яблоневых сумерек на солнце, оглянулась, прислушалась. Тишина необыкновенная!

Откуда-то она знала, что нужно делать дальше. Быстро поднялась в дом, в маленькой спальне нашла то, что нужно – белые шорты и черную майку. Это была та самая одежда, в которой Ольга приезжала поглумиться над соперницей.

Мила переоделась во все это, причем, поморщившись, поскольку брезговала, и ей не нравился запах духов, который исходил от вещей, положила свою одежду в зеленый новенький рюкзак Ольги, который нашла в прихожей, бросила туда и ее телефон. Затем, похолодев при мысли, что чуть не забыла сделать самое главное, сунула на самое дно завернутый в полиэтиленовый пакет окровавленный молоток. Спрятав свои волосы под бейсболку, нацепила найденные на кухне на столе женские солнцезащитные очки, взглянула на себя в зеркало и подумала, что на нее смотрит живая и здоровая соперница. Подумала, что любая стройная девушка примерно такого же роста, как Ольга, одетая в ее одежду, могла бы сойти за нее. Промелькнула мысль: не забыть бы уже дома избавиться от Ольгиного рюкзака... Это сейчас он ей нужен, чтобы возможные свидетели увидели именно Ольгу, живую и здоровую.

Оглянувшись, она прикинула, до чего успела дотронуться, и принялась влажными салфетками протирать, уничтожая свои отпечатки пальцев, поверхности в доме.

Теперь надо было срочно выбираться из этого садового рая (вернее, ада!). И тут ее взгляд упал на велосипед, прислоненный к садовой скамейке. Вот это удача так удача! Женский спортивный велосипед. Скорее всего, Ольгин. На нем она разъезжает по Марфино. Возможно, пла-

нировала купить такой же, только мужской, и Игорю, чтобы они вдвоем совершали такие приятные велосипедные прогулки. Что ж, теперь не покатаются.

Отворив калитку, она осторожно выглянула на улицу. Никого. После этого вывела велосипед, закрыв калитку, заскочила на него, благо умела кататься с детства, и покатила в противоположную сторону от того места, откуда пришла. Пусть все, кто ее знает, видят, что она жива и здорова, что едет на велосипеде. Только вот куда ее приведет эта дорога?

Ей казалось, что она проехала довольно долго, постоянно куда-то заворачивая, петляя, потом, немного успокоившись, выехала на проселочную дорогу и покатила в сторону железной дороги. Там, не доходя до остановки электрички, она бросила велосипед в кусты, предварительно стерев травой свои отпечатки с руля, затем, устроившись в тени высокого дуба, достала телефон и принялась искать по интернету «такси в Марфино». Нашла сайт, прочла: «Как же вызвать такси в Мытищинском районе? Подмосковье, конечно, это не мегаполис, однако наша служба такси работает аналогично, как в Москве: вызвать авто к установленному сроку можно по телефонам диспетчеров компании, либо непосредственно сделать заказ онлайн на нашем сайте...»

Вот и славно. Она набрала первый же указанный номер и вызвала такси. Машина должна была прийти примерно через двадцать пять минут. За это время она выкурила несколько сигарет и сделала одно важное дело – извлекла из телефона Ольги сим-карту и сломала ее. Сам же телефон, дорогой айфон, положила в сумку – пригодится. Прошло полчаса – машина не приехала. Подождав еще немного, она собиралась было отменить заказ и вызвать новую машину, потому как ждать больше не было терпения, она вся была на нервах, как вдруг увидела мчавшееся прямо на нее по дороге бело-желтое «Яндекс. Такси». Она махнула рукой, машина резко притормозила. Она спросила водителя, может ли он довезти ее до Москвы, и тот весело махнул рукой, мол, садись!

И вот когда она уже села, ее словно кто-то загипнотизировал, и она принялась рекламировать водителю товары из «своего» хозяйственного магазина! Плела что-то о шлангах, ведрах, распылителях, удобрениях... Жаловалась на то, что выручка не очень-то и большая, но вот скоро все в ее жизни переменится, что скоро они с женихом открывают блинную...

А что? Пусть, если будут разыскивать Ольгу, таксист (мало ли как могут выйти на него, может, машина засветится на камерах или кто видел, как она садилась в нее) расскажет, что да, мол, подвозил девушку, хозяйку хозяйственного магазина, что она делилась с ним своими планами. Ее будут долго искать...

На ступенях крыльца крови почти нет, немного брызг, которые Мила протерла влажными косметическими салфетками. Она правильно сделала, что быстро уволокла тело с дорожки. Еще пара минут, и кровь потекла бы из раны на голове. Кровь... Ее капли можно найти на листьях розовых кустов, на траве, земле... Но погода сейчас пасмурная, к вечеру наверняка пойдет дождь, он и смоем все следы.

Игорь, не дождавшись Ольгу, начнет названивать ей, а она не ответит. Тогда он запрет магазин и пойдет домой. Но и в доме Ольги не найдет. Увидит, что велосипеда нет, решит, что она отправилась куда-то по делам, и будет ждать ее до самого вечера, пока не стемнеет. Потом испугается. Возможно, позвонит в полицию или сам отправится туда. Кем же он представится? Другом? Женихом? И что он скажет? Что девушка пропала несколько часов тому назад? Заявление у него никто не примет, скажут, что рановато он всполошился. Игорь вернется обратно в дом, сядет в темноте и будет думать: куда же запропастилась Ольга? Потом включит везде свет (Мила так хорошо представила себе это, что ей стало даже не по себе!) и внимательнейшим образом осмотрит дом. Быть может, обнаружит, что пропали ее белые шорты и черная майка. Что нет рюкзака. И как вот он на это отреагирует? Успокоится, что ну уехала куда-то, мало ли куда. Или же, наоборот, встревожится, подумает...

Эх, надо было хотя бы деньги, что ли, украсть из дома! Не додумалась! И тогда, даже в случае, если труп найдут в саду, подумают, что Ольгу убили с целью ограбления!

Но разве ей до этого было? Разве она планировала убийство? И да, и нет. Если ее когда-нибудь спросят об этом, она и ответить-то толком не сумеет. Она хотела причинить ей боль, этой гадине. И ведь ничего бы этого не произошло, не пожелай сама Ольга ранить Милу. Что она там сказала про ее имя? «Жлобское имя». Людмила. Прекрасное имя. Мила очень любила свое имя. Нежное, ласковое, красивое. Вот зачем она и по имени-то прошлась бульдозером? Осквернила его! Но самое гадкое, что она сделала, это предположила, каким образом Мила планировала заработать пять тысяч евро.

«Глядя на тебя, трудно себе представить, что ты способна за несколько дней (уж не знаю, что это за работа такая, может, в порнобизнесе!) заработать такую кучу бабла».

Вот кто из них двоих догадался до этой мерзости? Игорь или Ольга?

Она сидела на заднем сиденье такси, которое мчало ее в Москву, смотрела на проплывающие мимо нее сады, поля, лужайки и радовалась, когда небо начало темнеть, когда все пейзажи стали сначала четче, ярче, а потом вдруг потускнели, и начался дождь.

Хоть бы посильнее начал поливать, чтобы смыть все следы крови на крыльце, с розовых кустов...

Она удивлялась своей выдержке, своему спокойствию и очень боялась, что в машине с ней случится истерика, что она начнет рыдать, что вообще потеряет сознание. Она вообще-то никогда практически не теряла сознание, но всегда этого безотчетно боялась. Ведь если она потеряет сознание, то как бы умрет на время. Отключится от жизни. И кто знает, как поведет себя, когда очнется. Больше всего ее страшило отсутствие контроля за реальностью.

Возле дома она, выйдя из такси, расплатилась и зашла в супермаркет. Ее прямо-таки тянуло в отдел с бытовой химией. Она и сама еще не знала, что ей нужно. Но бросила в тележку и туалетное мыло, и препарат для мытья полов, кафеля, раковин, зачем-то купила большую бутылку жидкого хозяйственного мыла, средство для мытья посуды, затем перешла на «человеческую» химию – шампуни двух видов, кондиционеры, разные гели...

Что это я? Ведь у меня все это есть?

Очищение. Она хотела очиститься. Получается, что где-то в глубине ее мозга заложены чувства и желания, о наличии которых она и не подозревала. Ей словно подаются команды: раз ты убила человека, испачкала свою душу, будь любезна, отмойся сначала физически, а потом и душевно.

Но разве можно очиститься от сознания того, что ты лишила жизни другого человека? Кто дал тебе право убивать?

Но дело-то было сделано. Труп Ольги, молодой женщины, остывал в тени ежевичных кустов. Теперь будет еще и мокрый – дождь ведь...

Тележка покатила в сторону сладостей. Захотелось выпить горячего чаю с чем-то очень сладким и жирным. Торт, пирожные, печенье, конфеты. Почему бы и нет? Жизнь, может, у Ольги и закончилась, но у Милы-то продолжается. И жизнь эта будет длинная – ведь ей предстоит еще в самом скором времени спасти чью-то душу. Вот только бы ничего не сорвалось.

7. 31 июля 2022 г

– Получается, что мы с тобой вылизывали уже чужой дом? – В голосе Тони слышались слезы. – Мыли унитаза этой девке?

На нее было больно смотреть. Никогда еще Женя не испытывала такой жгучий стыд перед подругой. Но, с другой стороны, разве это она виновата в том, что, пока ее не было дома, жизнь семьи Бронниковых, частью которой стала и она сама не так давно, рухнула, развалилась на части, к тому же пропал Борис. А теперь вот выясняется, что он вовсе и не пропал, а просто влип в какую-то свою адвокатско-криминальную историю, результатом которой стала потеря дома. Возможно, ему пришлось расплатиться домом, чтобы сохранить свою жизнь. Но раз так, то что мешало ему предупредить об этом родного брата, раз он не нашел в себе смелости признаться в этом жене? Или он предполагал, что она вышла за него замуж исключительно из-за его богатства и что теперь, когда он беден, она отвернется от него, бросит его? Неужели он так и не разобрался в ней, не понял, что она за человек? Что она уж точно не корыстная барышня. И что она по-настоящему влюбилась в него. Но вот теперь, когда он вообще вычеркнул ее из своей жизни, когда он, человек умный или даже мудрый, с большим жизненным опытом, не нашел способа связаться с ней и просто успокоить ее, а вместо этого напустил туману, позволив и произнеся какую-то расплывчатую фразу, из которой вообще ничего не ясно, когда он, ни слова никому не сказав, продал дом, оставив их с Петром, по сути, на улице, она не станет его любить. Совсем. Ни капельки. Она постарается вообще забыть его.

– Значит, так, – собравшись с духом, провозгласила она, стараясь взглядом приободрить и Петра. – У меня есть квартира. Предлагаю нам сейчас собраться, взять все, что нам необходимо и дорого, и отправиться ко мне. Лично мне не хочется и дальше наблюдать за тем, как рушатся все мои планы, вернее, как мои планы становятся почему-то планами новых хозяев, да взять хотя бы строительство зимнего сада... Понимаю, это мелко, и дело не в зимнем саде. Просто кто-то взял и похитил наше с вами, Петр, спокойствие, наши надежды. Наш дом, наконец. Крышу над головой. Понятное дело, что этот дом в первую очередь ваш с Борисом, и я здесь до недавнего времени была лишь прислуга. И когда этот дом был оставлен моими прежними хозяевами, и мне пришлось работать с совершенно чужими людьми, я страшно нервничала... Господи, да что я такое говорю?! Петр, может, вам «Скорую» вызвать? На вас лица нет!

– Правда, Петр Михайлович, может, таблеточку или капли какие? Вы только скажите? – Вот и Тоня, придя в себя, переключилась со своих обид на побелевшего Петра.

– Со мной все в порядке. – Он глубоко вздохнул. Вид у него был растерянный, да и глаза заблестели от слез. – Девочки, понимаю, все, что происходит сейчас здесь, – это какой-то бред. И во всем надо еще разобраться. Но если то, что сказала эта женщина, правда, все равно не надо так уж отчаиваться и уж тем более спешить. Предлагаю выпить и обсудить создавшееся не торопясь.

И он довольно бодро, но крепко задумавшись, направился на кухню. Женя с Тоней приняли его приглашение без слов, присоединились к нему уже за столом, где он разливал виски.

– Конечно, я понимал, что дело тут нечисто, – признавался Петр уже позже, вспоминая свой разговор с братом, – иначе он позвонил бы со своего номера да и поговорил бы со мной подольше, о тебе, Женечка, спросил бы...

– Петр, пожалуйста, повторите то, что он вам сказал, – попросила Тоня.

– Да ничего особенного он не сказал... да и тон у него был довольно спокойный. И дышал он ровно. Не так, как если бы он, скажем, волновался или бежал... Я же знаю своего брата, могу по интонации определить, в каком он настроении. Вот и тогда я не почувствовал тревогу. Он просто сказал, чтобы я успокоил тебя, Женечка, сказал, что работает, что у него трудный клиент, что он не может звонить с обычного номера, что они скрываются. И добавил, что его

клиенту угрожают, что он не может дольше говорить. Сказал, что все будет хорошо, надо просто потерпеть.

– А про дом ничего не сказал? Точно?

– Да нет...

– А что, если это была просто мошенница, которая представилась новой хозяйкой? – Вялю предположила Женя, и сама мало веря в такое.

– Так я съезжу в Москву и сам все узнаю, – совсем уже слабым голосом проговорил вконец растерявшийся Петр. – Вот прямо сейчас и поеду. А вы пообещайте мне, что никому не станете открывать дверь, да и ворота заблокируй, Женечка. А то превратили нашу аллею в какой-то проходной двор.

И Петр, быстро собравшись, уехал. Женя с Тоней заперлись. Притихшие, и уже не зная, что сказать друг другу, как приободриться, наполнили бокалы виски и расположились на диване перед телевизором.

– Ты-то чего себе наливаешь?

– По инерции, – покраснела Женя. – Но пить точно не буду, просто поддержку в руке. И в присутствии Петра сделаю вид, что пью, не хочу, чтобы он узнал о моем положении.

– Понятно.

– Мне вот интересно, что и, главное, у кого Петр может узнать что-то о продаже доме в Москве? – рассуждала Женя. – Я всегда думала, что дом записан на двоих, вернее, что собственников двое – Боря и Петр.

– Значит, собственник Борис, другого варианта просто не может быть. Потому что, если бы собственников было двое, то без Петра сделка бы не состоялась, как ты понимаешь.

– Это если нотариус нормальный, а если мошенник какой? Сама знаешь, сколько в Москве подобных случаев было, когда продавали недвижимость вообще в обход хозяев. Взять, к примеру, нашумевшее дело одного из наших великих артистов, помнишь, как поступили с его наследницей?

– Да знаю я... Но вот так взять да и продать дом одного из самых известных в Москве адвокатов... Ну не знаю, кем нужно быть, чтобы на такое решиться. Поэтому я все-таки предполагаю, что Борис просто вынужден был это сделать, чтобы спасти свою жизнь.

– Тоня... Как же все это страшно! И зачем я вообще уехала?! Все же было хорошо. Сейчас, в свете последних событий, мне вообще трудно объяснить свой поступок и желание, пусть даже и на время, расстаться с Борисом.

– А ты вообще помнишь, что сказала мне тогда, когда мы встретились с тобой, после того как я вернулась с похорон мамы?

– Помню... И сейчас это кажется настоящим бредом.

– Я-то думала, что он груб с тобой, что обижает тебя... А ты начала рассказывать, что он окружил тебя чрезмерной, как ты выразилась, любовью и заботой. И именно этот факт тебя почему-то насторожил. Он заваливал тебя подарками, пылинки с тебя сдувал, а ты, вместо того чтобы радоваться и чувствовать себя счастливой, почему-то испугалась и решила, что он таким образом заглаживает свою вину перед тобой. Я правильно выражаюсь, или я что-то не так поняла?

– Я была душой, что тут еще скажешь?

– А может, он что-то знал или чувствовал, что ему грозит беда? Поэтому так себя вел по отношению к тебе? Может, он знал, что ему предстоит продать дом?

– Нет-нет, я в это не верю! Может, меня бы он и пощадил и раньше времени не стал тревожить, но Петру бы точно рассказал. Он с большой нежностью относится к брату. Хоть постоянно и подтрунивает над ним, но все равно очень любит. Они – близкие люди. Родные.

– Петр... Он такой интересный. Странноватый, выглядит совершенно беспомощным и слабым, но, видать, очень умный. Ты рассказывала, что он очень богат. И это при том, что нигде как бы и не работает.

– Да, это так. Он в свое время помог одному молодому, но, судя по всему, гениальному айтишнику пробиться. Тот изобрел что-то новое, какую-то гениальную компьютерную программу и, поскольку здесь его никто не поддержал и не оценил, отправился в Америку. Это был сын какой-то его знакомой, и Петр по доброте душевной решил ему помочь. Он финансировал эту поездку, помог ему, познакомив там, в Нью-Йорке с каким-то своим влиятельным знакомым, и парнишка в один прекрасный день проснулся миллионером! Вот никто не знал, оценят ли эту программу или нет, никто не мог предположить, что эта его идея бомбанет, все рисковали, но все получилось! В благодарность этот парень, вчерашний студент из малообеспеченной семьи, мало того что регулярно делится со своим благодетелем прибылью, так отправляет к нему перспективных студентов-айтишников, и Петр инвестирует в их идеи, после чего продает часть своих акций за бешеные деньги. Вот такая волшебная история. Как сама видишь: сработал всего лишь один фактор – доброта. Петр помог парню, от всего сердца помог, да и вложил не так уж и крупно...

– Но получается, что изначально у него все-таки были какие-то деньги?

– Я подозреваю, что он работал в паре с Борисом, помогал ему. Возможно, выполнял какие-то поручения, не знаю точно... Но, повторяю, сработали не какие-то его профессиональные навыки, талант, способности, я хочу сказать, что иногда, чтобы выиграть крупно по жизни, не надо иметь семь пядей во лбу, понимаешь? Надо просто быть человеком.

– Ты идеалистка, Женька. И сама прекрасно понимаешь, что не будь у Петра этих денег, он не смог бы помочь этому айтишнику.

– Да понимаю я... Допускаю даже, что у Петра на тот момент вообще не было денег и он попросил их у брата. Ну а дальше случилось так, как случилось.

– Фантастическая история. Ну и чем теперь занимается Петр?

– Он постоянно ищет себя. Мечтает стать писателем, хочет написать какой-то исторический роман, кажется, про турецких султанов. Его всегда интересовала история Османской империи. Но ведь для того, чтобы написать правдивый, достоверный роман, надо получить доступ в архивы, покопаться в старых документах, а там все на турецком... И тогда какой-то там турецкий писатель, с которым он познакомился в Стамбуле, где развлекался со своей любовницей, посоветовал ему найти толкового переводчика там же, в Стамбуле, обладающего хорошими связями с влиятельными людьми, который и поможет ему проникнуть в архивы и ознакомиться с необходимыми для романа материалами. Поначалу я думала, что это просто блажь, разговоры, но Петр на самом деле отправился в Турцию, нашел какого-то переводчика, но тот взял с него деньги да исчез. Вот такие дела. Так что теперь он пытается найти нужного человека здесь, в турецком посольстве...

– Надо же – так заинтересоваться Османской империей! А что за любовница? И вообще, как у него с личной жизнью?

– Была у него одна женщина, та самая, с которой он и отправился в Турцию, Наташа, да только она была замужем, и сразу после поездки исчезла. Он искал ее, долго искал, был просто одержим ею, и вот в один прекрасный день совершенно случайно встретил ее в торговом центре. Она шла с мужем и двумя детьми, глубоко беременная, как он выразился, и вся светила от счастья. Увидев его, узнала и сразу же отвернулась, даже прибавила ходу...

– Это неправда! – вдруг воскликнула Тоня.

– В смысле?

– Он не нашел ее и продолжает искать.

– Но почему ты так решила?

– Не знаю... Интуиция. Думаю, он придумал эту историю для вас с Борисом, чтобы вы отстали от него.

– Да? Что ж, это вполне в его духе.

Но как бы ни старались Женя с Тоней отвлечься разговорами о Петре, обоих волновал один и тот же вопрос: как Борис мог продать дом? Что теперь делать?

– Тоня, вот что такого преступного, криминального мог сделать Борис, что его теперь, к примеру, шантажируют и требуют расплатиться домом?! Дом ведь очень дорогой! Очень!

– Без комментариев... – тихо произнесла Тоня.

– Ты боишься расстроить меня, я знаю... Но ты же и сама предполагаешь, что дело настолько серьезное, что он может и не выпутаться из этой истории...

– Женя, не раскисать!!!

– Как ты думаешь, Тоня, куда поехал Петр?

– К Реброву.

– Вот тоже история! Валера... Он-то почему ведет себя так странно? Я же звонила ему сегодня, слышала, как он взял трубку, начала уже говорить и вдруг слышу – гудки пошли.

– Трубку бросил. Да уж... Это вообще не похоже на Валеру. Вы же с ним друзья! Неужели он не понимает, что ты переживаешь? Давай я позвоню ему.

– Отличная идея! Звони, Тонечка!

Антонина позвонила, установив громкую связь, чтобы Женя могла услышать их разговор. И Ребров отозвался! И это при том, что номер Тони у него наверняка записан, и он знал, кто звонит.

– Валера, привет! Как дела? Давно тебя не видела... – неуверенно начала свой разговор Тоня, Женя при этом напряглась и слушала, почти не дыша.

– Да нормально... Слушай, я знаю, ты звонишь по просьбе Жени. Скажи ей, что с Борисом все нормально. Уже нормально. Слава богу, все обошлось.

Тон его был примерно такой же, как и у Тони. Он словно с трудом произносил слова, как если бы делал это через силу. К тому же, судя опять же по тону, он был в дурном расположении духа.

– Ты не можешь сказать, что случилось? Женька места себе не находит! А тут еще выяснилось, что дом их продан. Ты слышишь меня, Валера? Борис продал дом какому-то Петрову! Здесь вообще черт знает что происходит!

– Да, я знаю...

И тут Женя зажмурилась, не желая верить в то, что продажа дома – уже факт.

– Ребров, что это значит?! – взвилась она, обращаясь к трубке. – Мы же с тобой друзья! Ты сколько раз бывал здесь у нас, мы всегда выручали друг друга... Я не знаю, кем надо быть, чтобы вот так бросать трубку, когда я звоню?!

– Женька... – голос Реброва дрогнул. – Да мне просто стыдно, понимаешь? Такое тебе в голову не приходило? Борис влип в историю, а помочь ему я не смог. Поверь, я все сделал, чтобы он поскорее вернулся домой, но он сейчас защищает одного клиента, а потому вынужден скрываться. Они далеко отсюда, очень далеко. И там связи практически нет.

– Ты каким-то образом связываешься с ним?

– Да.

– Но тогда почему же он не может позвонить мне?

– Вот вернется он, и сам все расскажет. Женя, прошу тебя об одном: не тревожься. Ну, потеряли вы этот дом, купите другой, еще лучше. Борису обещали заплатить хороший гонорар. Иначе разве он стал бы так рисковать?

– Когда ты последний раз разговаривал с ним?

– Вчера.

– Он здоров?

– Ну... почти здоров. Только не переживай! Все уже прошло! Просто его там, где он сейчас находится, укусило какое-то насекомое, на плече появился красный бугорок... Он, конечно, не обратил внимания, ему вообще было тогда не до этого, потом все воспалилось, стало нарываться, и вот тогда он обратился к местному лекарю, и тот, к счастью, знал, как это лечить, у него был какой-то волшебный местный бальзам, который хорошо помог Борису Михайловичу.

– И как он сейчас?

– Рана затянулась, ему регулярно делают перевязки. Так что можешь не беспокоиться.

– Не беспокоиться?! – перейдя на фальцет и почти сорвав голос, вскрикнула Женя. – Валера, ты это серьезно? Мой муж пропал, со мной не желает разговаривать, и я все узнаю от других людей, к тому же сегодня вот выяснилось, что он продал дом... От меня постоянно что-то скрывают, я чувствую себя полной дурой! Ты, когда будешь разговаривать с ним, передай ему, что пусть он вообще забудет мое имя, понятно? Скажи, что больше он такой дуры, как я, не увидит! И как только он вернется, я моментально подам на развод, понятно? Не таким я видела свой брак с ним. Думала, что он любит меня, доверяет...

Она так много еще чего хотела сказать, но слезы уже душили ее, она буквально захлебывалась ими.

– Валера, я тебе потом перезвоню, – сказала, стараясь держать себя в руках, Тоня и отключила телефон.

И тотчас Жене позвонил Петр. Он подтвердил, что дом действительно продан. Попросил ничего не предпринимать, «главное, не раскисать!», что у него есть одна «шикарная» идея.

– Знаешь, у него был такой радостный голос, – немного успокоившись и высушив слезы, сказала Женя. – С чего бы это?

8. Лиза – Вере

Верочка, здравствуй!

Да, ты права. И как же это я раньше не додумалась, чтобы все свои действия записывать в блокнот? Ты молодец. Как только снова отправлюсь к своей родственнице в Париж, непременно возьму с собой блокнот и буду все записывать. И все равно, почему мне все время кажется, что надо мной словно кто-то потешается? Может, ты и в этом права, и меня просто одурманивают? Подсыпают мне что-то в напитки? Иначе как же объяснить мое более чем странное поведение?

Я чувствую, что меня уже очень скоро снова позовут. И я, если, конечно, моя голова не будет затуманена, сделаю все так, как ты мне советуешь. Уверена, что после этого все в моей жизни переменится к лучшему.

И знаешь, каждый раз, возвращаясь оттуда домой, я спрашиваю себя: Лиза, почему ты не поговорила со своей родственницей по душам, не рассказала о своей жизни и не попросила у нее денег? Сама не пойму, как все это со мной получается. Меня словно кто-то заколдовывает.

Конечно, мне никто не обязан давать эти деньги, и я, конечно же, не вправе ничего требовать от Элизы... Да, именно так зовут мою родственницу, а вернее – бабушку. Причем родную.

Да-да, Верочка, Элиза – моя родная бабушка. Вот почему, говоря о ней и о своих поездках, я постоянно упоминаю про деньги. Ведь если она моя бабушка, мать моей матери, которая не так давно скончалась, оставив меня одну и с кучей долгов, так почему бы самой близкой моей родственнице не побеспокоиться обо мне?

Припоминаю вот сейчас наши с ней разговоры, которые происходили как в дурмане. Она, с высоты своей финансовой независимости, точнее будет сказать, богатства, не может чувствовать ту боль и чувство полного одиночества и безнадёги, которые охватывают человека, оставшегося сиротой, да к тому же еще и без денег. Вот поэтому она постоянно намекает мне на то, что я должна пойти работать или учиться, словом, что-то предпринять, чтобы самой заработать себе на жизнь. И вот когда она мне это говорит, и я смотрю на нее, то мне кажется, что я вижу себя спустя лет пятьдесят, к примеру. Я протягиваю к ней руки и хочу прикоснуться к ней, к ее плечу, но натываюсь на холодное стекло. Так и есть – зеркало. Вот что это такое? Я оглядываюсь и вижу себя как бы в привычной обстановке, причем мне в комнате, где мы разговариваем, знакома каждая вещь. Вот ваза, к примеру, фарфоровая, большая, расписанная розами, купленная мной (!!!) на знаменитом блошином рынке Saint-Ouen в Париже, рынке, который считается одной из главных достопримечательностей Франции. Это крупнейший в мире рынок антиквариата и подержанных вещей. А вот этот туалетный столик мне подарил один человек по имени Антуан, я отлично помню его лицо, но где он сейчас и что с ним случилось, – не помню. Я даже помню запах его одеколона – он пах «нероли».

Понимаю, что, читая это мое письмо, ты подумаешь, что я и вовсе сбрендил, что мне давно уже пора показаться психиатру. Может, это и так. Но, может, я просто какой-то уникальный человек с сохраненной

памятью поколений? Звучит, конечно, довольно помпезно, да и глупо, я понимаю, но так уж я устроена. Нет, оказись я в психушке, я не стану утверждать, что я жена Наполеона Бонапарта, Жозефина Богарне. Не бойся, тебе не будет стыдно считать меня своей подругой. Но то, что со мной происходит сейчас, все эти странные ощущения и удивительные поездки в Париж и обратно – поверь, это все факты. Я прилагаю к письму фотографии моих билетов в Париж (туда и обратно) за последние несколько месяцев, чтобы ты могла сама убедиться в том, что мои полеты во Францию реальны! Хотя вряд ли ты сомневаешься в этом. Ведь я сама показывала тебе не так давно чеки из парижских магазинов и некоторые подаренные мне Элизой вещи. Не думаю, что в этом ты сомневаешься.

Верочка, очень благодарна тебе за поддержку, за продукты и денежные переводы. Я понимаю, ты жалеешь меня, возможно, считаешь, не совсем здоровой, но когда-нибудь ты и сама поймешь, что это не так. Что просто я, вероятнее всего, застряла во временном слое. Не знаю, как все это объяснить. Это, как говорится, не для средних умов.

Вполне вероятно, что я скоро снова отправлюсь к Элизе. Напиши мне, что ты хотела бы получить от меня в подарок.

Искренне твоя, обнимаю

Лиза

9. 27 июля 2022 г

Бессонница лишила ее последних сил. В первую ночь после того, как она вернулась из Марфино, она переела пирожных, и ей мучительно было не только на сердце, но и тошнило: она ругала себя за то, что попросила водителя такси доставить ее в Крылатское, на Осенний бульвар, практически высадить неподалеку от ее дома. Могла же выйти где-нибудь подальше и взять еще одно такси, так было бы надежнее. Всю дорогу рассказывала ему о якобы своем магазине, бизнесе, делала вид, что она Ольга, а потом вот так нелепо прокололась. На мелочи! Идиотка!

Но, главное, она никак не могла поверить в то, что убила Ольгу. Она смутно помнила все то, что произошло с ней в Марфине. Словно только что проснулась после кошмарного, невыносимого сна и теперь в холодном поту соображала, как ей такое вообще могло привидеться!

Конечно, она ненавидела Ольгу и винила в том, что та увела у нее парня. А ведь до счастья было уже рукой подать. Еще совсем немного, и у нее бы появились деньги, и если бы не эта продавщица садовых ведер и леек, то Игорь до сих пор был с Милой. Она варила бы ему утром какао, которое он очень любит, на обед жарила бы ему котлеты, стирала и гладила рубашки, покупала бы ему пиво и сигареты, и, главное, спала бы с ним в обнимку, чувствуя себя совершенно защищенной и любимой. Может, Ольга была и права, когда говорила, что безденежье Игоря временное, что у него просто трудный период и ему надо бы помочь, а потом он и сам встанет на ноги, займется серьезным бизнесом, начнет зарабатывать. Но с какой стати она решила ему помочь? Серьезно верила в него или сразу поняла, что этого парня можно купить? Она не так глупа и, даже допуская, что на самом деле Игорь – пустышка и никогда и ничего не добьется даже с помощью денег (хорошо еще, если он не присвоит себе кредитный начальный капитал на блинную), попросту купила его обещаниями этих самых денег. Да, купила себе красивого и сильного парня, пусть даже и на время. Кроме этого, не отказала себе в удовольствии встретиться с Милой и унижить ее. Да, она делала это именно с удовольствием, желая возвыситься над соперницей.

Вспоминая их встречу с Ольгой, Мила пока еще по-прежнему воспринимала ее живой. Та остывающая мертвая женщина, которую она за ноги волокла к кустам ежевики, скорее всего, была плодом ее воспаленного воображения. Она же не первый раз мысленно убивала людей. То нагрубившую ей продавщицу из дорогого бутика на Кузнецком мосту, которая с ухмылкой запретила ей примерять дорогое платье, мол, оно «тебе не по карману». Вот так прямо и сказала, обратившись к ней (неслыханное дело для бутика такого уровня!) на «ты»! Мила, глядя ей прямо в глаза, даже отвечать не стала, просто мысленно перерезала ей горло ножом, а потом затолкала труп в примерочную, размазав еще теплую и жирную кровь по мраморному полу...

Да мало ли в ее жизни было обидчиц? В основном это были женщины.

Мужчин она убивала реже. Жалела их. Вот и Игоря тоже жалела. Сама себя убеждала в том, что он умный и способный, что ему просто не повезло. И все ему прощала, даже его исчезновения на день-два, не позволяя себе подозревать его в измене. Должно быть, таким образом оберегала свои нервы.

Конечно, ей проще было придумать различные оправдания, когда, к примеру, человеку просто надо побыть одному или же встретиться с другом, обсудить какой-то бизнес, поговорить по-мужски. Если бы она каждый раз, когда он не приходил ночевать, представляла его в объятиях другой женщины, у нее сердце бы разорвалось. Но от любви ли? Или же она страдала все-таки из-за чувства уязвленного самолюбия? Получается, она недостаточно хороша для него, нашлась другая, более красивая, привлекательная, сексуальная? Вот именно такие мысли и чувства могли отравить ей жизнь и сделать ее слабее, лишить уверенности в себе. А этого она бы не простила. Или все же простила? Вот и теперь, когда мысли ее с каждой минутой становились все более ясными, и когда все больше и больше она склонялась к тому, что

да, она на самом деле была вчера в Марфине и убила Ольгу, Мила никак не могла для себя решить, простила Игоря или нет.

Вот где он сейчас? Что с ним? Нашел ли тело любовницы в саду? Остался ли в доме Ольги или поднял тревогу, обратился в полицию? Если он трус, то каждое его действие можно предугадать. Заподозрив, что с Ольгой случилось что-то нехорошее, быть может, обнаружит где-то следы крови или волочения, или тело, он точно не станет обращаться в полицию. Скорее всего, сбежит, предварительно обчистив дом покойной, а заодно прихватив выручку в магазине. Постарается уйти, что называется, огородами. То есть пойдет той же дорогой, по которой сбежала с места преступления Мила, к железной дороге. Возможно, найдет там и велосипед Ольги. Короче, испугается так, что постарается как можно скорее убраться из Марфино. И куда же он поедет? Квартиры в Москве у него нет. Он может, конечно, поехать к какой-нибудь своей бывшей подруге. Но это в случае, если не успел там нагадить, не украл, не оскорбил, не изменил.

Однако самый большой шанс выкрутиться из ситуации и спрятаться понадежнее, у него был, если бы он вернулся к Миле. Наплетет ей с три короба, что ездил куда-нибудь к маме или тетке в деревню, а там заболел или помогал кому-то ремонтировать крышу, или копать колодец. То есть придумает такую причину, такую благородную отмазку, что Миле ничего другого не останется, как простить его и принять.

И она была просто потрясена, до мурашек (!), когда, чистя зубы, вдруг услышала звонок в дверь. И несмотря на то что была ну очень большая вероятность того, что она все-таки реально совершила убийство и что это за ней могли прийти, она была почему-то относительно спокойна и откуда-то знала, что пришел Игорь.

Сплюнув мятную пену в раковину и ополоснув рот, она вытерла лицо полотенцем, надела домашние штаны, майку и подошла к двери.

Да, это был Игорь. Она теперь уже и не знала, плакать ей или смеяться. Состояние было близкое к истерике. Часы показывали половину девятого утра. И он уже здесь. Интересно, как он добирался из Марфино: на электричке или на такси?

Она распахнула дверь и почувствовала, как губы ее, словно по команде, растягиваются в широкую улыбку.

– А... Это ты?! Сколько лет – сколько зим. Где пропадал?

– Да по делам ездил... – ответил Игорь неуверенно.

Выглядел он растерянным, волосы его, густые, волнистые, которыми Мила всегда восхищалась и любила проводить по ним рукой, лаская, теперь торчали в разные стороны, надо лбом и на висках были мокрыми, да и по лицу струился пот. Нос, красивый, крупный, почему-то на кончике побелел. И над верхней губой, темно-красной (у него вообще необычный для мужчины красноватый цвет губ), тонкой полоской выступили бисеринки пота.

Красная трикотажная футболка под мышками потемнела. А джинсы висели на нем синим мешком. Словом, выглядел он ужасно. Какой-то неприбранный, грязноватый. И совсем некрасивый! И почему она раньше этого не замечала?

– Пустишь?

– Да куда же я денусь-то? – ухмыльнулась она. – Проходи.

И тут, чтобы прямо с порога унижить его, сказала:

– Что-то ты немытый какой-то... От тебя пахнет...

Она знала, что он от злости даже зубами заскрежечет. Игорь, не в пример другим мужчинам, был на редкость чистолюбным. Мылся подолгу, мог просто часами намыливаться, приводить себя в порядок. Следил за своей одеждой, чтобы всегда была чистая, правда, сам никогда не стирал и не гладил, а с какой-то такой нехорошей легкостью мужчины, который привык, чтобы его обслуживали, просил все это сделать за него.

Когда вместе с Игорем бывали в торговых центрах, он всегда заходил в отдел с мужским бельем и выбирал себе все самое светлое, дорогое, а носки так и вовсе покупал пачками и, прося Милу оплатить покупку, тихо добавлял, чтобы никто не слышал, мол, я потом тебе все верну.

Он всегда знал, сколько у нее денег. Она, сама не зная, как так получилось, сообщила ему (даже записала в его телефонном электронном блокноте) пароли от всех своих основных банковских карт. Он без труда заходил в личные кабинеты ее онлайн-банков, и спокойно распоряжался ими. Так было до тех пор, пока он не исчез надолго. И хотя денег у Милы не было, оставались какие-то копейки, и с карт уже нечего было брать, она тем не менее все равно заменила все пароли, а потом и вовсе заблокировала карты. Словом, обезопасила себя. Это сейчас у меня денег нет, рассуждала она, но вскоре появятся, и немалые! Сама мысль, что сбежавший и явно неблагополучный любовник сможет воспользоваться ее деньгами, приводила ее в бешенство.

– Иди в ванную, я принесу тебе полотенце, – она решила с ним не церемониться. – Потом поговорим.

Она вдруг вспомнила себя в детстве, когда, натворив что-то, проштрафившись, страшно боялась, что ее мать отругает, но особенно тяжело почему-то было после ее слов «потом поговорим». И это отложенное на время наказание, это ожидание разговора с матерью разрасталось в большой тревожный ком, растягивалось во времени и было просто невыносимым.

Но она была еще ребенком. Игорь-то мужик. Но и он, похоже, тоже как-то сник, опустил голову и послушно отправился мыться. Неужели и с ними, мужиками, так и надо?

На этот раз он и помылся быстро, вышел, слегка прикрыв бедра полотенцем, под которым ничего не было. Раньше его тело вызвало бы в ней определенное желание. Сейчас же она просто сгорала от любопытства: что он ей сейчас наплетет? Что придумает на этот раз, чтобы не рассказывать правду?

Получается, что она остыла к нему, потеряла, как к мужчине, интерес. Да что там! Она злорадствовала от того, что это по ее вине его планам не суждено было сбыться. Что женщина, на которую он возлагал большие надежды и которая кормила и поила бы его, исчезла, оставив его в полной растерянности.

Одного она пока не знала и по виду Игоря не поняла: нашел он труп или нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.